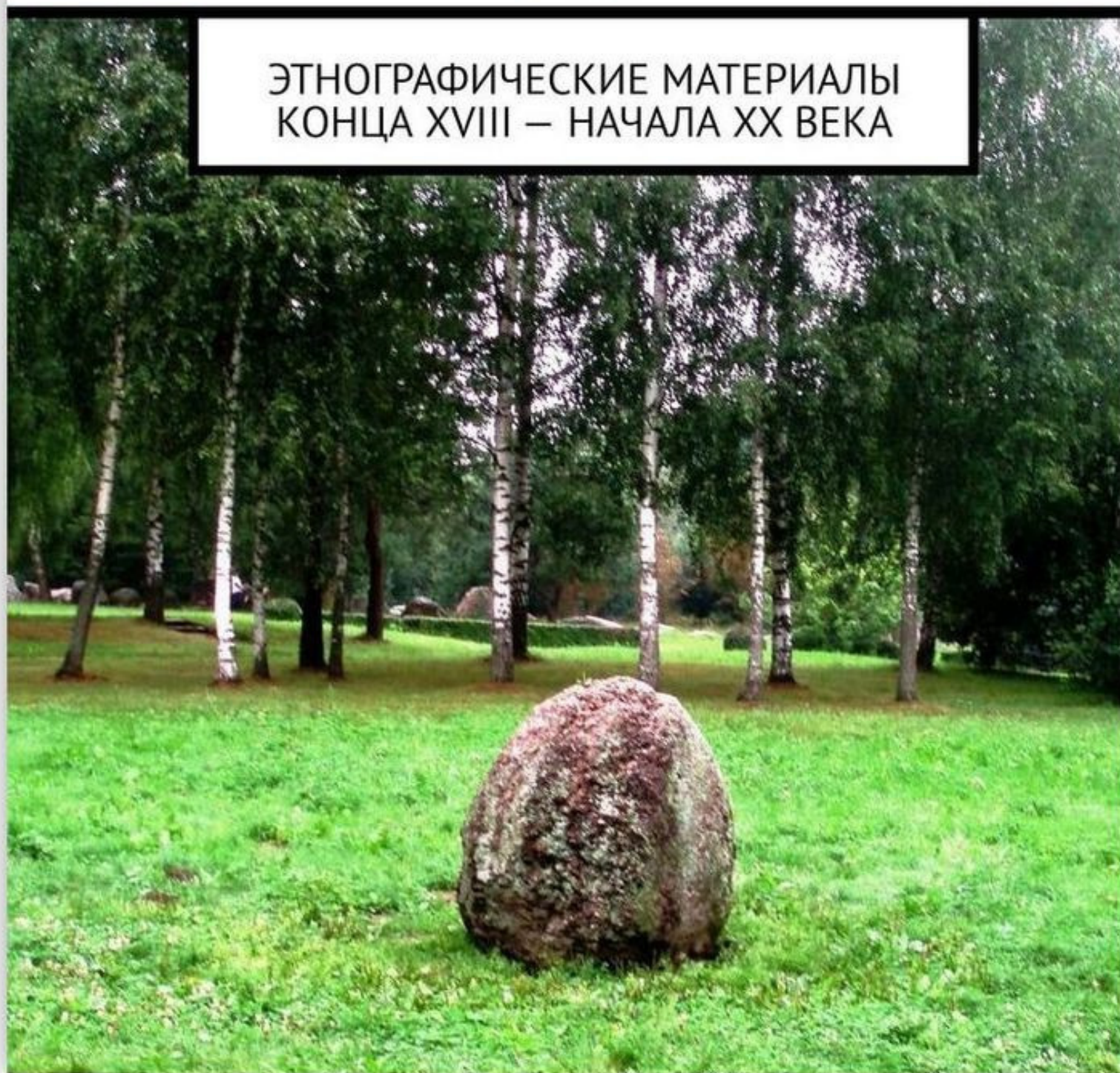

18+

ЛАРИСА НОВИЦКАЯ

**Белорусские знахари.
Легенды, предания, рассказы,
обряды**

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА

Лариса Новицкая

**Белорусские знахари. Легенды,
предания, рассказы, обряды.
Этнографические материалы
конца XVIII – начала XX века**

«Издательские решения»

Новицкая Л.

Белорусские знахари. Легенды, предания, рассказы, обряды.
Этнографические материалы конца XVIII – начала XX века /
Л. Новицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-559426-6

Книга рассказывает о белорусских знахарях конца XVIII — начала XX века, показывает их отличие от чаровников, описывает способы лечения ими обычных заболеваний и болезней, «насланных чарами». Читатель найдёт в книге многочисленные обряды, оберегающие здоровье взрослых и детей, семейную жизнь, деловые ситуации, а также рецепты знахарской косметологии. На обложке — легендарный камень «Дед», с помощью которого жрецы-знахари Минского языческого капища вплоть до 1927 года проводили обряды исцеления.

ISBN 978-5-00-559426-6

© Новицкая Л.
© Издательские решения

Содержание

БЕЛОРУССКИЕ ЗНАХАРИ. ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, РАССКАЗЫ, ОБРЯДЫ	6
ЗНАХАРИ И ИХ МЕТОДЫ ВРАЧЕВАНИЯ	6
Шаманы и волхвы – родоначальники белорусских знахарей	6
Знахари – повелители змей	10
Заговоры	12
Лечебники и травники	16
ОТНОШЕНИЕ К ЗНАХАРЯМ В ОБЩЕСТВЕ	19
Отношение к знахарям властей	19
Отношение к знахарям местных священников	22
Отношение к знахарям врачей	25
КАК СТАНОВИЛИСЬ ЗНАХАРЯМИ	28
Передача знахарства преемнику	28
Бог даёт знания	28
Получение знаний от Лесового и Лесовихи	30
Ужи и змеи – носители тайных знаний	33
Прочие способы приобщения к знахарству	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Белорусские знахари. Легенды, предания, рассказы, обряды Этнографические материалы конца XVIII – начала XX века

Лариса Новицкая

© Лариса Новицкая, 2022

ISBN 978-5-0055-9426-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЕЛОРУССКИЕ ЗНАХАРИ. ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, РАССКАЗЫ, ОБРЯДЫ

«Называют их разное: чаровниками и чаровницами, (иногда, но редко, колдунами), знахарями и знахарками, ворожбитами, ведьмаками и ведьмами, волколаками и пр. Все эти названия употребляются в памятниках нашей древней письменности, с прибавлением некоторых других, не сохранившихся в современном белорусском говоре, как например – кудесник, волхв, вещая жёнка. В этих памятниках они употребляются как синонимы: ведун, знахарь, колдун, кудесник – всё это названия, указывающие на высшее ведение. Так называли людей, одаренных необыкновенною мудростью, даром предвидения, пророчества, поэтического творчества, обладающих знанием священных заклятий, жертвенных и очистительных обрядов, умением совершать гадания и врачевать недуги».

А. Е. Богданович «Пережитки древнего мировоззрения у белорусов»

«Много таинственного и неизведанного скрыто в этой стране волшебников...»

П. П. Демидович. «Из области верования и сказаний белорусов»

ЗНАХАРИ И ИХ МЕТОДЫ ВРАЧЕВАНИЯ

Шаманы и волхвы – родоначальники белорусских знахарей

С древнейших времён практически у всех народов врачеванием занимались шаманы. Неразрывно связанные с природой, они обращались к духам воды, земли, огня, воздуха за исцелением людей своего рода или племени. Главный источник заболеваний, согласно шаманизму, заключался в потере души, которая могла уйти из тела и блуждать по миру. Шаманы разыскивали беглянку, договаривались с ней о возвращении в тело, и, в результате, больной выздоравливал. Но порой за время отсутствия души в человека заселялся дух болезни. Тогда шаману приходилось высасывать злого духа из сердца и глаз пациента. Этот древнейший метод сохранялся многие тысячи лет, и даже в начале XX века использовался белорусскими знахарками для лечения детских болезней.

На смену шаманизму с умением шаманов непосредственно взаимодействовать с духами и богами, бесстрашно вводя их сущности в своё тело, пришло язычество и языческие боги. Новые боги управляли и повелевали природными силами и людскими судьбами. От их благосклонности зависела человеческая жизнь и здоровье. Особым почитанием у племён, населявших территорию современной Беларуси, пользовались родоначальник всех богов Сварог, бог летнего солнца Дажьбог и бог зимнего солнца Хорос, богиня весеннего солнца Лада (Сива, Жива, Прия), повелитель грома и молний Перун, покровитель скотоводства Велес, богиня урожая Цёця. Среди языческих богов и богинь особую роль играло древнейшее индоевропейское божество Мара, повелительница загробного мира, покровительница жизни и смерти. Богиня охраняла и оберегала женщин, особенно рожениц, и их новорождённых детей. На территории Беларуси археологами было открыто как минимум пять капищ, посвящённых этому божеству. К характерным признакам святилищ богини относятся высеченные на камнях четырёхсторон-

ние «кресты Мары» с перекладинами на каждой стороне. (23. С. 140) Найденный во время раскопок между деревнями Долгиново и Жары Вилейского района Минской области каменный идол, изображающий Мару, представляет собой женскую фигуру с ребёнком во чреве. Макет идола демонстрируется в экспозиции Музея истории белорусской медицины. Само же каменное изваяние богини Мары хранится в Институте геологии Белорусской Академии наук.

Общение с богами и силами природы легло на плечи жрецов-волхвов. Хотя они и не владели многими шаманскими методами врачевания, в первую очередь связанными с путешествиями между мирами и даром вводить в себя сущности духов и божеств, волхвы обладали огромными знаниями, понимали язык природы. Это понимание им досталось в наследство от шаманов, веривших в умение растений, животных, птиц и насекомых разговаривать между собой. Остановив поток собственных мыслей и вслушиваясь в голоса леса, луга, реки, озера, волхв узнавал о свойствах растущих там трав, цветов, кустарников, деревьев: целебные они или ядовитые; если исцеляют, то от каких болезней. Жившие на белорусских землях древние врачеватели готовили лечебные настои из дудника и дягиля, хорошо изучив их противовоспалительные свойства. Ими они излечивали болезни горла. Больных лихорадкой поили полынным отваром. Для лечения кожных заболеваний использовали пасту из бодяги. С той же целью назначали чеснок и лук.

Кровь языческие лекари останавливали зельем из зверобоя. Раны, нарывы, ожоги, язвы, обморожения лечили отваром подорожника, мазью из цветков ноготка или корня живокости, а для предотвращения попадания в них инфекции мазали берёзовым дёгтем. Самые страшные гнойные раны промывались берёзовым соком. Растительные мази волхвы готовили следующим образом. Измельчали цветки и листья растения или выжимали из них сок, а затем смешивали с гусиным, куриным, говяжьим, бараньим, ежовым, рыбным жиром или с конопляным и льняным маслом. Для пластырей использовали мёд, прополис, воск, цветочную пыльцу, ржаную муку.

После прихода на земли Беларуси христианства волхование некоторое время мирно с ним уживалось. Первая христианская епархия, учреждённая великим киевским князем Владимиром, появилась в Полоцке в 992 году. В 1005 году христианский епископ поселился в Турове. Полоцкие князья, учитывая политические реалии, официально принимали христианство, но по сути своей оставались язычниками, черпавшими силу в древних знаниях предков. Медицинскую помощь они получали от служивших им верой и правдой волхвов. Волхвы, врачую больных независимо от их социального статуса и достатка, в первую очередь заклинаниями и ритуальными действиями психологически настраивали пациентов на исцеление. Сначала вводили в транс, а затем, в зависимости от диагноза, использовали растительные и животные лекарственные средства, оперативные вмешательства. Операции проводились в целях отсечения омертвевшей ткани, удаления опухолей, ампутации конечностей, вправления грыжи. Раны зашивались «струнами» из кишок животных и затем перевязывались шерстью барана или полотенцами-«убрусами». (51. С. 5—7) Анестезиологическими средствами служили отвары из красавки, болеглова, мака. После операций больных укладывали на носилки и относили в специальное помещение рядом с жилищем волхва. (62. С. 7—8) В Турове и Полоцке в слоях почвы IX – XII веков археологи обнаружили хирургические ножи, зубила, долота, иглы, пилки, которые затем были переданы в коллекцию Музея истории белорусской медицины.

Небольшие раны волхвы «орошали олеем» (маслом) и накладывали на них кромки домотканого сукна. При переломах фиксировали конечности берёзовой корой, лыком, щепой-«скрепой». Языческие лекари прекрасно вправляли вывихи, а пациентам с пупочной грыжей одевали на живот кожаный широкий пояс. В качестве психотерапии рекомендовалось носить при себе амулеты. Наиболее сильными считались изготовленные из медвежьих когтей и зубов, поскольку медведь был тотемом местного населения. Среди древнейших амулетов до наших дней сохранились вырезанные на кости животных «коники», символизировавшие

жизнь. Их нашли во время археологических раскопок неолитических поселений в Витебской и Брестской областях. Силу и здоровье давали украшения из рогов тура, «змеевики» в виде медальонов и змееголовых браслетов, украшения из янтаря. Янтарь почитался как камень, благоприятно влиявший на здоровье того, кто его постоянно носил.

До наших дней дошла история успешного лечения придворными волхвами врождённой грыжи головного мозга теменным бандажом у полоцкого князя Всеслава Брючиславича, известного как Всеслав Чародей (1029—1101). Согласно летописям, князь родился с помощью волхования и сам был сильнейшим волхвом. О повязке на голове Всеслава Чародея писал летописец Нестор в «Повести временных лет»: «Бысть ему язвено на главе его, рекоша бо волси матери его: Се язвено навязи на нь, до носить е до живота своего, еже носить Всеслав и до сего дня на себе». (37. С. 14) Главными чародейскими способностями Всеслава Брючиславича летописи называют его умение превращаться в сокола и в течение короткого времени перемещаться за сотни километров. Или волком бесстрашно перебегать дорогу солнечному коню, божественному Хоросу. Однако, судя по тому, как человек с врождённым заболеванием головного мозга, постоянно подвергавший опасности свою жизнь в военных походах, прожил до 72 лет и привёл земли Полоцкого княжества к небывалому расцвету, можно предположить о владении князем системой мощных тайных языческих знаний. С другой стороны, Всеслав Брючиславич с огромным уважением относился к христианству. При нём в Полоцке началось строительство Софийского собора, что подчёркивало религиозное и политическое равенство Полоцка с Киевом и Новгородом.

В Туровском княжестве, в отличие от Полоцких земель, высшая знать строго придерживалась принципов христианства, а волхование преследовалось законом. Но волхвы продолжали сохранять авторитет и поддержку среди простого гражданского населения и низших чинов княжеской дружины. Об этом рассказывает предание «О туровском воеводе и языческом жреце». «Туровский воевода, приняв христианскую веру, сначала заставил обратиться в христианство всех своих жён, а затем принялся склонять к ней подданных. Как-то раз пришли к воеводе его приближённые и донесли:

– Все приняли христианскую веру, только один языческий жрец и слушать об этом не хочет. Говорит: «В какой вере родился, в той и умру».

Услышав это, воевода очень разгневался:

– Ах, он, нечестивец! Как он смеет не слушаться меня! Идите, отберите всё его добро и приведите его самого ко мне. Я с ним поговорю.

Отправились солдаты в лес, где жил жрец, ввалились в его дом, всё обыскали, но ничего кроме трав и лекарственного зелья не нашли. Связали они жреца и привели к воеводе. Как увидел воевода языческого жреца, так принялся кричать:

– Где твои деньги? Где твоё богатство? Говори сейчас же, куда ты его дел!

Но как ни пытался что-либо узнать воевода от упрямого старика, так ничего не узнал и велел его казнить.

Повели жреца на казнь. Тут прибежал дружинник и принялся просить воеводу:

– Не убивай жреца! Народ бунтует и говорит, что если убьёшь его, то все снова вернутся к вере старым богам.

– За что они так его любят? – спросил воевода дружинника.

– За то, что лечит и ничего не берёт, кроме еды на один день.

Приказал воевода отложить казнь и привести старика к нему.

– Слышал я, что ты умеешь лечить, – сказал он жрецу. – Сын мой очень нездоров, и никакие снадобья ему не помогают. Если вылечишь его – ничего для тебя не пожалею, деньгами засыплю, в хоромы моих жить будешь, за отца мне будешь. А если не вылечишь – снесёт мой меч тебе голову.

Сын воеводы уже давно болел. С тех пор, как съездил он в Киев на охоту с княжеским сыном, сразу после охоты и заболел. Лежать в постели не лежал, но таял с каждым днём, как воск. Взял жрец мальчика к себе в лес, в свой дом. Стал отпаивать зельем и молоком диких коз, тёплыми ночами укладывал спать на дворе. Прошло какое-то время, и сын воеводы выздоровел. Обрадовался воевода и послал лекаря целый воз разного добра. Но жрец ничего не взял, кроме еды. Долго потом он ещё лечил людей. Когда старик умер, то одел его воевода в золотую княжескую одежду и похоронил со всякими почестями, словно князя.

И ещё долгие века народ помнил доброго человека. От него люди переняли многие лекарства и до сих пор ими лечатся». (24. С. 228—229)

Дело волхвов продолжили знахари. Знахарями белорусы называли людей, обладавших тайным знанием, которое использовалось для лечения людей, домашних животных, охраны от колдовства и «чарования», поиска пропавших вещей и скотины, любовных приворотов и отворотов, ворожбы. Знахарством в Беларуси занимались крестьяне, сельская и городская интеллигенция, чиновники и даже помещики. (48. С. 27—28) От волхвов к знахарям перешли как магические словесно-ритуальные методы целительства, так и природно-естественные. Знахари обращались за помощью к Богу, святым, ангелам, природным силам через молитвы и заговоры. Они собирали целебные травы и готовили из них лечебные зелья; вправляли вывихи, лечили переломы костей с помощью накладывания лубка и глиняной повязки.

Только знахари, используя особые обряды, могли справиться с последствиями порчи, сглаза, (с) уроков и прочего информационного негатива, искажавшего структуру организма и психику человека. Они, погрузив пациента словами и ритуальными действиями в лёгкое трансовое состояние, исправляли искажения, отлаживали его внутренний баланс и здоровые отношения с окружающим миром. Белорусских знахарей часто называли шептунами и шептухами, поскольку все заговоры и молитвы произносились ими исключительно шёпотом. «Знахар шэпчэ», – характеризовали знахарскую деятельность белорусы. Александр Казимирович Сержпутовский (1864—1940), белорусский этнограф и фольклорист, награждённый в 1908 году золотой медалью Отделения этнографии Российского Императорского географического общества, в «Очерках Белоруссии», опубликованных в 1908—1909 годах журналом «Живая старина», описал способ диагностики заболеваний полесскими знахарями. «Обыкновенно при упорных и продолжительных заболеваниях неопределённого характера обращаются к своему брату-знахарю. Тот опрашивает больного, выдергивает у него три волоса, обрезывает на мизинцах ногти и всё это опускает в стакан воды. Долго и пристально смотрит знахарь в эту воду, предлагает больному разные вопросы и, наконец, объявляет результаты своих наблюдений и исследований... Когда сделан диагноз, знахарь приступает к лечению болезни заговорами, травами и другими средствами... Но когда при исследовании находит, что болезнь не его специальности, например рожа, а не колтун, знахарь заявляет об этом больному и направляет его к другому специалисту». (48. С. 28)

В знахарском искусстве большую роль играли числа и способы заготовки лечебных средств. Любое лечение действовало лишь тогда, когда повторялось 3, 7, 9, 12 или 77 раз. Одно и то же средство, в зависимости от заболевания, требовалось заготавливать и держать в бутылках по-разному. Сок и кора осины для отвара от лихорадки соскабливалась снизу вверх, а при женских проблемах – сверху вниз. Бутылки с лекарствами от горла ставились горлышком вверх, а с лекарством от глистов – горлышком вниз, чтобы глисты выходили не через горло человека. Если деревянным маслом (низкий сорт оливкового масла) требовалось помазать рану, то его брали из простого сосуда. Но для употребления внутрь масло наливали «изнутри», из лампы. Целебные растения знахари и знахарки рвали или выкапывали, трижды выпрашивая благословение у вырастившей их Матери Сырой Земли, и трижды – у Господа Бога, превращающего травы в лекарства.

Из растений готовились настои, отвары и зелья, полученные выпариванием. Настой изготавливали так: клали в посудину горсть растений, заливали кипятком, накрывали и настаивали. Свежие цветы и травы настаивались 15—20 минут, листья и стебли – 30—45 минут. Высушенные цветы и травы – до 4 часов. А залитым кипятком укропу или анису хватало 5 минут для превращения в лекарство от боли в желудке. Корни и кору держали в горячей воде до 2—3 часов. Иногда делали холодное настаивание, заливая растения холодной водой и выдерживая 10—12 часов. Например, фиалку, дикий мак, ромашку. Отвар отличался тем, что растения клали в кипяток и «варили, смотря по надобности и свойству лекарств, различное время». (50. С. 12—13) Выпаривание трав, цветов, корней, плодов применялось при сложных заболеваниях, чтобы усилить их целебную силу. В процессе выпаривания в посудине оставалось две трети или одна треть налитой воды. Чаще всего выпаривали чернослив, стебли вишни, яблоки, щавель, кору дуба.

Знахари пользовались в народе большим уважением. К самым сильным из них приезжали из дальних мест. В Гродненской губернии соблюдалась интересная традиция общения со знаменитыми знахарями. Знахарю вначале предписывалось выказать своё недовольство, мол, зачем приехали, он ведь не Бог, что к нему постоянно идут и едут. Посетитель очень долго упрашивал о помощи, и, в конце концов, знахарь соглашался «дать помочь». Он брал у приехавшего шарф или платок и уходил в отдельную комнату, где на два-три часа засыпал. Проснувшись, ясно и чётко давал советы и рецепты пациентам.

Знахари – повелители змей

С укреплением христианской веры у белорусов постепенно сложились представления о происхождении знахарства и знахарских знаний от Бога. Они опирались на Евангельские предания о целительской деятельности Иисуса Христа. Люди говорили про знахарей: «Они знают от Бога», «Они знают такое слово». Сами знающие на благодарность исцелившегося пациента отвечали: «Это не моя заслуга. Через меня Бог помогает!»

О божественном происхождении знахарства повествуют и белорусские легенды. В Минской губернии рассказывали такую легенду. «Ходил по земле Иисус Христос с апостолами. А евреи положили под корыто дьявола и спрашивают у Иисуса: «Если ты бог, то ответь, кто под корытом?» «Гадина скрутившаяся!» – ответил Иисус. Открыли корыто, а там гад скрутившийся лежит. Закричали апостолы Михаилу Архангелу: «Михаил, руби его!» Тот рубанул и на двенадцать кусков гада рассёк. Но те куски взяли и поползли. Испугались апостолы, стали говорить: «Боже наш! Теперь они всех людей съедят!» «Нет, не съедят», – успокоил их Иисус Христос и дал апостолам двенадцать заговоров. А апостолы передали те заговоры миру людей. С тех пор и пошли знахари». (41. С. 160) В Западном Полесье, в Брестском уезде Гродненской губернии, легенда звучала несколько иначе. «Когда Иисус Христос уходил от людей на Небеса, люди принялись плакать и умолять Иисуса не покидать их. На это Иисус Христос ответил: «Я оставляю вам зелья и молитвы, и будете этим лечиться». На северо-западе, в районе Подвинья Витебской губернии, время зарождения знахарства легенда связала со Всемирным потопом. «Все знахарские знания люди получают от Бога после Всемирного потопа. Эти знания и знахарские заговоры святы, их нельзя давать другим. Заговор и молитва – это одно и то же. Был Потоп на всей земле. После Потопа Бог сбросил на землю змея. Тот сказал: «Я буду людей кусать». Бог ответил: «А я траву людям дам от укусов!» Змей не сдавался: «Я у травы корень подгрызу!» Тогда Бог произнёс свои заветные слова: «Я людям слова дам заговаривать!» А змею и нечем ответить».

Как видим, христианские легенды традиционно называют змея одним из главных врагов человека. И только древнее предание, дошедшее с языческих времён, обстоятельно раскрывает причину установившейся вражды. «Раньше люди жили в ладу со змеями. Змеи селились

у людей в домах, каморах, хлеву и ловили мышей. В те времена у змей не было яда. Человек считал змею самой мудрой из всех животных. Но однажды случилась беда. Некий человек шёл из леса домой, не увидел кладку змеиных яиц и наступил на неё. Из всей кладки осталось только одно яйцо. Змея обвила последнее яйцо и целую ночь пролежала с ним, думая, как отомстить человеку.

Из яйца, которое всю ночь оберегала змея, вылупился необычный Змей. Он был огромного размера, мог летать, имел яд, и из его пасти шёл огонь. И этот Змей начал мстить людям. С этого времени люди и змеи больше не живут в ладу».

В основные функции знахарской деятельности входило лечение от змеиных укусов и защита от них. Змеиный укус лечили в день его появления, обязательно до заката солнца. Существовало поверье, что ужалив человека, змея спешит напиться воды. Если же пострадавший от укуса доберётся до воды быстрее змеи и обмоет рану, то и укус пройдёт бесследно, и укусившая змея издохнет. В противном случае спешили обратиться к знахарю. Знахари посыпали ранку от укуса пеплом из сожжённых корней и цветов медуницы и давали укушенному съесть хлеб с вложенными в него шариками высушенной плакун-травы. Самые сильные народные лекари не только лечили, но и обладали даром повелевать змеями. Рассказы о таких «повелителях змей» передавались из уст в уста. «Ехал мужик по дороге. Отпряг он лошадь возле Бернисской гати, и тут её укусила змея. Плачет мужик, что лошадь умрёт.

Едет кучер один на повозке, порожняком. Остановился он и спрашивает:

– Чего ты, мужичок, плачешь?

– Как, батюшка, мне не плакать. Отпряг лошадь покормить, а гадина её укусила. Вся лошадь распухла.

– Есть у тебя топор? Беги и отруби осиновую палку.

Мужик побежал, отрубил осиновую палку. Взял кучер палку, заострил, вбил в землю. А сверху конец расщепил и квач положил, чтобы концы не сходились.

– Не бойся ничего! Идём, не робей!

Свистнул-крикнул кучер:

– Собирайтесь все гады ко мне! Ползите сюда змеи, которые утром собирались!

Поползли к ним змеи, выются вокруг. Мужик стоит, дрожит от страха. Кучер ему повторяет:

– Не бойся, не робей, не укусит!

И снова к змеям:

– Ну, ну, не все ещё здесь...

Одна змея ползла и пряталась

– Ну, виноватая, подходи ближе!

Подползла.

– Ну, виноватая. Лезь в клещи, что разнял.

Змея заползла в разъём палки, а кучер вынул квач.

– Проезжего не кусай! А теперь все по своим местам!

И змеи расползлись кто куда.

Тогда кучер говорит мужику:

– Бери лошадь, поезжай с Богом!» (11. С. 86—87)

Каждый прославленный знахарь, исцелявший змеиные укусы, имел свою собственную методику. Например, брал ведро, шёл колодцу, не останавливаясь и не оглядываясь назад, черпал ведром воду, наливал воду в сосуд и прямо возле колодца шептал на неё: «Гадъ Яковъ, гадзина Яковица! Гадъ! Гадъ! Возьми свой ядъ! А ня возьмишь свайво яду, я пойду на Кіянъ моря. На Кіяни мори ляжить латырь каминь. Я съ латыря камня возьму огню, с питуна крови, выгжу вси мхи, вси болоты, вси крутыи бериги. Ня будзить вамъ ни пристанища, ни прыбежища. Ветка и млада марто, мая месяца – во веки векомъ». Затем трижды дул и трижды плевал в воду,

нёс её к пациенту и обмывал ему наговоренной водой место укуса и лицо. (59. Т. II. С. 549 – 550) Некоторые знахари порой сами направляли змеиные укусы на определённых людей, чтобы показать свою силу или в качестве мести. Они же владели и мощными защитными заговорами, оберегавшими от «гадов». По воспоминаниям современников в 70-х годах XIX века особую целительную и защитную силу имели заговоры от змей знахаря Фёдора Якулёнка из деревни Майково Бельского уезда Смоленской губернии, где жили этнические белорусы. (В описываемый временной период граница проживания этнических белорусов в губернии шла между уездами Дорогобужским и Бельским с одной стороны, и Юхновским, Вяземским и Сычёвским с другой. (18. С. 16) Вот пример одного из его заговоров.

«Царь змеиный Ирѣ,
И царица Ирица!
Лютыхъ своихъ змей унимай,
Лихо жало вынимай:
Первую змею дворовую,
Втору змею лесовую,
Подмежницу, корежницу.
Полевицу, водяницу.
Не будзешъ унимаць
Напусьциць на цябя
Самъ Господзь Богъ,
Самъ Илля Пророкъ
Тучу цѣмну, пелену огненну,
И пожнець ця, пощнець ця,
И по ветру разнесець ця;
И будзешъ унимаць,
Будзешъ сокращаць,
Будзешъ жиць, цариць,
Дзяцей выводзиць».
Заговор читался трижды на банную воду до восхода солнца. (59. С. 548—549)

Заговоры

«Заговор – есть выраженное словами пожелание, часто соединённое с известным обрядом или действием, пожелание, которое непременно должно исполниться. В заговоре человек, обращаясь к содействию светлых или тёмных сил природы, наговаривает на другого что-либо дурное или хорошее, или, наоборот, заговаривает, то есть останавливает действие благодетельных или вредных сил... С течением времени составление заговоров и пользование ими переходит в руки особых лиц – магов и волхвов. Но их заговоры к силам и явлениям природы больше имеют отношение не непосредственное, а стараются отвлекать от людей злых духов и направлять на них расположение добрых духов и божеств, которым известны все тайны природы», – такое определение дал изначальным языческим заговорам профессор Е. Ф. Карский в труде «Белоруссы» (19. С. 60)

Пришедшее на смену язычеству христианство ввело свои целительные тексты – врачующие молитвы. Они походили на заговоры волхвов по форме, но использовали новые действующие силы: Иисуса, Богородицу, святых. Постепенно происходило объединение в текстах самых древних заговорных формул, уже непонятных и самим знахарям, и простому народу, с хри-

стианскими формулами и словесными выражениями. Белорусы так объясняли происхождение в заговорах непонятных слов: «Когда Адам жил до грехопадения в рай, то ни дикие звери, ни гады не трогали его, а были у него в послушании, повинаясь его языку. После изгнания из рая, когда люди говорили на прежнем языке, животные им не вредили. Потом, после столпотворения, первобытный язык затерялся. Тем не менее, в нашем языке попадают слова из прежнего Адамового языка. Мы таких слов не отличаем, но они оказывают определённое целительное воздействие». (6. С. 291)

Заговоры произносились шёпотом, с упоминанием, что «сам Бог шепчет». Однако, существует мнение, что первоначально заговорные тексты проговаривались громким, зычным, словно громовым голосом. Нашёптывание появилось позднее, дабы подчеркнуть таинственность заповедного знания, доступного лишь посвящённым. (31. С. 69) Знахарская традиция предписывала читать заговоры ранним утром («на заре»), вечером и в полночь. Что касается дней недели, то понедельник был не очень благоприятным днём для целительской практики. Знахари в принципе не советовали обращаться к ним по понедельникам. Если же больной нуждался в неотложной помощи, то его предупреждали об очень длительном времени лечения, начатого в понедельник. Среда признавалась в народной медицине лучшим днём для снятия самых сильных и тяжёлых наговоров и заклятий. Четверг подходил для налаживания любовных дел. Все любовные «присушки» и привороты, сделанные в четверг, обладали наибольшей силой. А пьянство разрешалось лечить только в субботу.

Заговоры почти всегда сопровождались ритуальными действиями. Знахари передавали магическую силу слов пище и питью, нашёптывая их над хлебом, водой, водкой. Народ верил, что поедая наговоренный хлеб или выпивая наговоренную воду, больной одновременно съедает и выпивает лечебные слова, и в результате выздоравливает. Позже заговоры стали писать на бумаге. Пациент глотал написанный текст целиком с бумагой, или же бумага предварительно сжигалась, пепел бросали в воду и вместе с водой выпивали. Многие знахари, шепча заговоры, дули на пациентов и сплёвывали в сторону. Слюна в данном случае символизировала живую воду, дождь, а обдувание – силу ветра. Сплёвывание и обдувание наделялись свойством изгонять болезни, (с) уроки и сглазы.

Уже самые первые исследования белорусских заговоров, начатые в середине XIX века, отмечали их соответствие древнейшим заговорным формулам: «Кабь горы зь горами сходзилися, и реки зь ракамы, и жилы зь жиламы, кровь ись кровью, кось сь косяю, и зьвих зь зьвихом». Или: «Суставка сь суставкой сыйдзися и цело сь целомь зросцися, кровь ись кровью збяжыся». (19. С. 63) В них описывался ещё шаманский способ врачевания, когда шаманы прикладывали свои здоровые части тела к повреждённым ногам, рукам, кровоточащим ранам пациентов. Лечение от вывиха заключалось в приложении обнажённой здоровой ноги шамана к месту вывиха больного, а повреждённые или больные суставы они тёрли своими здоровыми суставами. Вторая особенность исконно белорусских заговоров – начинаться со слов «Добрым разом, божьим часом» или «Первым разом, добрым часом». Народная вера в «добрые и лихие» (хорошие и плохие) часы требовала выполнять все целительские действия исключительно в благоприятное время. С другой стороны, когда необходимость заставляла проводить лечение в «лихой» час, подобное начало максимально нейтрализовало лихо, как в следующем заговоре от (с) уроков. ((С) уроки – болезнь, наведённая нечаянным словом). «Первымъ разомъ божимъ часомъ. Господу Богу помолюсь, Прачыстой матцы поклонюсь и усимъ святымъ нябеснымъ апостоламъ, киявскимъ и пячерскимъ, сонцу красному, месячку ясному. Было у месячки три братцы: одинъ зоры спотухая, други светъ отсветая, третій уроки сунимая, зь раба божжаго, зь буйныя головы, зь ративаго сердца, зь русыхъ кось, зь жовтыхъ косьтей, зь ясныхъ вочей, зь белаго лица. Духъ на тябе, усё лихо сь тябе!» Заговор читался трижды, после чего знахарь дул на больного. (42. С. 31)

Заговорные тексты создавались в виде приказаний, угроз и молитв. В приказаниях звучал приказ злему духу, болезни, (с) урокам, сглазу оставить человека.

«Сыйди, глаза серыи,
Бурыи, карыи,
Нада усими чорный глазъ, —
Сыйди уси пирятёпы,
Пирясуды, пригаворы,
Ать старыхъ, ать малыхъ,
Ать нежинатыва, ать перваженца,
Ать другаженца. —
Атыйди на етыть часъ,
На егу минуту,
Уси хваробы, уси балезни,
И съ пальчыку, и съ сустачыку,
И съ буйнай галавы, и съ хрябетный касти,
Ать ретивога сердца!» (11. С. 174)

В заговорах-угрозах знахарь сообщал, что ему всё известно о наведённом на человека зле, и это зло будет наказано жестоко и неотвратимо. К подобному злу относились «заломы», как белорусы называли сплетённые ведьмами или чаровниками колоски ржи на полях у крестьян. Через «заломы» насылались болезни, бедность, гибель хозяину поля и его семье. У каждого знахаря и знахарки имелись свои собственные способы обезвреживания «заломов». Вот один из них. Знахарь находил ночью в лесу осину, у которой на верхушке сучки росли в виде креста. Отломав верхушку, он шёл на поле к «залому» и садился возле него, держа осинный «крест» в руке. Как только всходило солнце, сразу разбирал «залом» сучками осины и читал заговор. «Хто работау на меня, пусь работау на себя. Какъ на восине лисыця вянуць, сохнуць, такъ пусь у злодзея руки, ноги отсохнуць; какъ на восине птицамъ гнёздъ не виць, такъ злодзею у дому не жиць; и какъ тый восине на корню не устояць, такъ злодзею со пось-цели не устаць». Затем поворачивался спиной к солнцу, бросал осину на землю и растаптывал. В результате рожь становилась «чистой», а всё колдовство уходило на сделавшего «залом». (59. Т. II. С. 530—531)

В заговорах-молитвах знающие обращались к светлым силам: к Богу, ангелам, святым, древним природным стихиям, религиозным праздникам. Все религиозные праздники в белорусских землях почитались, как святыни, да и само слово праздник по-белорусски – «свято». Про них говорили: «Святой Спас, Святая Пречистая, Святое Рождество». Праздники имели человеческий облик, ходили по земле, общались с людьми и друг с другом, но главное – творили всяческие чудеса, подобно Пречистой Богородице, Иисусу Христу, святому Николаю, святым Кузьме и Демьяну, архангелу Михаилу. Среди дней недели особенно почитались Святая Нядзеля (воскресенье) и Святая Пятница (пятница).

Знахарь Терентий Аникеев из Роснянской волости Чаусского уезда Могилёвской губернии исцелял больных, шепча заговор-молитву на воде, «что на юг идёт»: «Двананцать ангаловъ, двананцать апосталовъ, мацерь Божія Почаевская, раба божого на помочь становися. Казанская Божая мацерь рабу божаму помощи дай, сохрани Божа помилуй маць Прячыстая, самъ Сусъ Христось раба бажаго сохрани и помилуй отъ ветровъ, отъ чародзейниковъ, отъ душугубниковъ, отъ уразьскія силы. Сохрани Божа, маць Прячыстая, самъ Сусъ Христось раба божого, сохрани и помилуй отъ чорнаго вока, отъ чорнаго волосу, громкаго голосу, отъ сухоты грудзей, живота, сэрца, отъ ломоты, отъ тошноты, отъ бядноты, отъ уразьскія силы». (42. С. 8)

Заговоры тщательно оберегались и долгое время передавались только преемникам. Этнограф и собиратель фольклора А. Е Богданович вспоминал: «Когда мы обращались даже к знакомым знахарям и чаровникам с просьбой сообщить нам известные им заговоры, то почти

всегда получали отказ и уверение, что они, кроме того как перекреститься, ничего не знают... В силу этой интимности, в силу того, что заговоры обыкновенно сохраняются в одном каком-нибудь роде, а не пускаются в оборот... в них должны наиболее чисто сохраниться воззрения языческой старины». (4. С. 43) Свою неудачную попытку получить текст заговоров от местного шептуна описал белорусский этнограф И. А. Сербов, изучавший быт и обрядность полешуков Слуцкого уезда в начале XX века. «В Терабуте живёт одиноко в старой курной хате известный шептун 80-летний Змитер Новик. С целью послушать и, если возможно, записать его заклинания и заговоры, я привёз его к себе на квартиру в Ляуки. Всё время дед Новик держал себя свободно, – много пил, закусывал, балагурил, пел, играл на скрипке и рассказывал, что он тоже «не яки-небудь музыка, а ужо атыгроу шмат у паутары сотни вясельлеу (свадеб) «... Но чуть речь пошла о заговорах, Новик сразу отрезвел. Накинув свою ветхую «рызину» и нахлобучив магерку (шапку-колпак, сваленную из круглого суконного куска шерсти) на седую косматую голову, он укоризненно глянул на меня исподлюбья и ушёл, проговорив: «Не трэба мне твае ни рубель, ни пять рублёў, – пайду дамоу рашэтину диркаваць!» (46. С. 47)

Если же этнографу или собирателю фольклора удавалось расположить к себе сильного знахаря, тот передавал ему подлинные заговорные тексты без искажений и с «кодовым» словом исключительно как своему преемнику. Но чаще всего фольклористы-собираатели, среди которых были волостные писари, народные учителя, студенты, гимназисты, семинаристы, записывали заговоры, намеренно искажённые и без «слова-кода», запускающего и обеспечивающего результат всего лечения. В итоге заговор превращался в простое фольклорное произведение, не имеющее целительной силы. Такие заговоры передавались за символическую плату с проведением различных охранительных обрядов.

Белорусский учёный-этнограф Павел Васильевич Шейн в 1867 году написал и опубликовал в Витебске одну из первых в Российской Империи специальных фольклорных программ, «Программу для сбора памятников народного творчества», разослав её в губернские управления по всей Беларуси. Начальство губерний Северо-Западного края, как тогда называлась Беларусь, проявило большую заинтересованность, и вскоре у Шейна появилась большая сеть корреспондентов. Среди них – Софья Николаевна Рачинская, дочь помещика из Бельского уезда Смоленской губернии. Один из наиболее сильных знахарей края Фёдор Якулёнок сам выбрал Софью Николаевну себе в преемницы, и записанные ею заговорные тексты вошли во II том сборника П. В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края». Однако и Рачинской не всегда везло. Известный местный шептун Матвей Егоров на просьбу передать ей, как ученице, несколько заговоров, ответил: «Зачем это я с себя корону сниму да на тебя одену?» (59. Т. II. С. 520)

По поводу многих других своих корреспондентов Павел Васильевич писал: «...Само собою является вопрос о благонадёжности, в научном отношении, ... достоверности этнографических материалов, собираемых путём официальным, но чтобы себе его подробно рассмотреть и удовлетворительно себе уяснить, потребовалось бы большое количество верных... данных, которых, к сожалению, не имеем пока в своём распоряжении». (Там же. С. 4)

Самая большая коллекция белорусских заговоров появилась в результате огромной собирательской и исследовательской работы, проделанной Евдокимом Романовичем Романовым (1855—1922). Учёный, которого многие народные врачеватели считали «своим», издал более 200 трудов по белорусской этнографии и фольклору, собрал более 10 тысяч фольклорных произведений, включая заговорные тексты. С 1910 до 1917 года он возглавлял секцию этнографии и археологии Северо-Западного отделения Императорского Географического общества. «Вообще, сношения мои со знахарями чрезвычайно интересны..., – писал Емельян Романович. – Большая часть из них, благодаря моему знакомству со знахарскими приёмами, лечением и с заговорами, видела во мне своего коллегу, наисильнейшего чародея, и даже... Сатанаила, вышедшего из пекла для уловления грешных душ человеческих.

Воспринимался этот взгляд и местными жителями, питавшими инстинктивный ужас к «природным ведьмакам» – самым страшным, которыми нечистая сила овладела ещё в утробе матери, которые вредят даже своим дуновением, иногда пассивно, – и с которыми я, тем не менее, свободно вступал в сношения, усаживал подле себя, уличал в умышленном искажении заговоров при передаче мне, и даже – что особенно смущало православных – без вреда позволял кашлять, дуть, шептать и всячески себя «сурочить». (42. С. 6—7)

Довольно достоверные тексты заговоров опубликовал в I томе «Смоленского этнографического сборника» член Императорского Географического Общества, «наблюдатель и изыскатель народного быта» В. Н. Добровольский (1856—1920). Наибольшее количество опубликованных в сборнике заговоров он услышал в деревнях Смоленской губернии, где жили этнические белорусы. Владимир Николаевич с огромным уважением относился к знахарям, подробно и тщательно записывал истории их жизней и истории обретения знахарского дара, лечебные обряды и ритуалы.

Разумеется, народные целители кроме заговоров применяли и традиционные средства врачевания: костоправство, массажи, водолечение, лечение лекарственными отварами, компрессы, пластыри и многое другое. Однако наибольшую силу они придавали именно заговорам, утверждая: «Что скажется, то и сбудется». (4. С. 44) «Сами знахари в большинстве безусловно уверены в силе своих заговоров – „слов“ и „молитов“, именно заговоров, а не медикаментов, употребляемых ими, – писал Е. Р. Романов, – и мне немало передано рассказов о чудесных исцелениях, совершенных знахарями посредством заговоров». (42. С. 7)

Остаётся добавить, что все заговоры, опубликованные в книге «Белорусские знахари. Легенды, предания, рассказы, обряды», полностью соответствуют первоисточникам, их языку, орфографии и пунктуации, как это требуют правила этнографической науки. (Любой перевод заговора искажает изначальный текст, что приводит к потере его лечебного воздействия). Указаны места, где заговоры были записаны, и, в большинстве случаев, имя, фамилия и возраст знахаря или знахарки. К сожалению, некоторые информаторы учёных-этнографов, отправляя им собранные материалы, ограничивались лишь указанием мест записей и своих собственных фамилии и должности.

Так же без перевода с белорусского языка на русский даются некоторые наиболее самобытные советы и высказывания знахарей для сохранения их непосредственности и очарования.

Лечебники и травники

Народные предания и легенды, повествуя об уникальном знании древними волхвами целебных растений и их свойств, с горечью констатировали, что таких знающих осталось очень мало, и с каждым годом становится всё меньше и меньше. Разумеется, встречались знахари, обладавшие огромной интуицией, умевшие находить дикорастущие лечебные травы и грамотно самостоятельно составлять рецепты лекарств. И всё же, со временем большая часть грамотных народных врачевателей стала использовать различные лечебники и травники. Переписанные от руки, реже напечатанные в типографии, лечебники передавались из поколения в поколение, почитались и ценились, как самая драгоценная реликвия в семьях потомственных знающих. Сохранились документы экспедиции Оршанского окружного товарищества краеведения 1926 года. Краеведы обнаружили в деревне Мордашевичи Дубровенского района у крестьянки Г. Шаранды старинный лечебник, состоявший из 30 разделов и включавший описание 77 лечебных растений на белорусском языке. Увы, страница с названием лечебника не сохранилась. (63. С. 345)

На территории Великого Княжества Литовского, в состав которого входили земли Беларуси, с XVI века выпускалось довольно много книг по медицине. Это в первую очередь переведённые с латинского на русский и польский язык лечебники античных и средневековых меди-

ков. Ими пользовались светские врачи в городах и магнатских поместьях, монахи-врачеватели в монастырских госпиталях и цирюльники. В функции последних, кроме бритья, стрижек и прочей чисто парикмахерской деятельности, входило выполнение медицинских хирургических операций. Среди знахарей наиболее часто применялись рецепты рукописного лечебника на русском языке под названием «Книга, глаголемая лечебник литовский». В наше время он впервые был опубликован в сборнике «Редкие источники по истории России» под редакцией Н. Л. Пушкарёва и А. А. Новосельского, выпущенном в 1971 году Институтом истории АН СССР. В предисловии к публикации учёные пишут: «О месте написания данной рукописи не может возникнуть сомнения. Составленная на территории Литовской Руси, она часто упоминает о растениях и животных, свойственных лесо-болотистой зоне теперешней Белоруссии – «журавли», «зубры»... С другой стороны рукопись изобилует полонизмами – «альбо», «моц», «цыбуля»...и много других слов... Русский составитель сборника, однако, не ограничился польским оригиналом, но использовал в то время и древнерусские медицинские традиции как устные, так и письменные». (40.С. 11) Датируется книга «лета 6995, круг солнцу 8, а луны 19, индикта 4, а народжения господа нашего Исуса Христа 1487». (Там же. С. 10)

Также ценились следующие два рукописных травника. Первый – «Травник Троцкого воеводы Станислова Гажтовта», переведённый в 1423 году в Кракове с латинского языка на польский для Троцкого воеводы. В 1588 году травник с польского перевели на русский язык в Серпуховской типографии под Москвой для русского воеводы И. М. Бутурлина. Книгу так и называют, «Травник Бутурлина». Вторую рукопись, «Книгу глаголемую Травникъ, травамъ всякимъ но азбучнымъ словамъ (в алфавитномъ порядке)», перевёл в 1534 году, «въ лето 7042, мая въ 29 день» с немецкого языка «на словенский» «литовский пленникъ Любчанинъ». Так себя назвал Николай Бюлов, придворный врач великого князя московского Василия III. К более позднему периоду относится двухтомный «Травникъ господина Симона Сирепіуса, доктора и лекаря академіи Краковской» с реестром лекарственных растений. Первый том содержит 1198 страниц, второй – 688 страниц. Рецепты этих лечебников впоследствии из века в век переписывали и использовали как дипломированные врачи, так и грамотные знахари. В конце XVII века популярность приобрела «Книга, глаголемая «Прохладный вертоград». «Прохладный вертоград» представляет собой дополненную редакцию «Травника Любчанина». Его составил в 1672 году в Москве переводчик Посольского Приказа Андрей Виниус, снабдив пояснением: «Книга, глаголемая «Прохладный вертоградъ», избранная отъ многихъ мудрецовъ о различныхъ врачейскихъ вещехъ ко здравію человеческому престоющихъ». (45. 19) Лечебник вошёл в изданный в 1879 году профессором Казанского университета В. М. Флоринским сборник «Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI – XVII столетия профессора В. М. Флоринского».

В конце XIX- начале XX веков в Российской Империи произошёл настоящий бум публикаций травников и лечебников. Их составляли как профессиональные медики, так и этнографы. Знахарями из среды интеллигенции и чиновничества особенно ценились изданные в Санкт-Петербурге два сборника: травник «Царство лечебных трав» (1870) Елизара Никитича Смельского (1800—1880), крупнейшего российского хирурга, лейб-медика Высочайшего Императорского двора, и лечебник коллектива авторов «Целебные силы природы» (1871). На титульной странице последнего написано: «Составлен по указаниям известнейших учёных медиков и народных врачей». (56. С. 1)

В 1903 году в 4 выпуске журнала «Могилёвская старина» вышла статья Е. Р. Романова «Из области белорусской народной медицины». В ней этнограф познакомил читателей с рукописью лечебника XVII века, обнаруженной им в имении Гайдуковка Могилёвской губернии. Рецепты лечебника на протяжении двух столетий переписывались местными знахарями и хранились в виде рукописных тетрадей. Одну из таких тетрадей показала участникам уже упо-

мянутой Оршанской экспедиции 1926 года потомственная знахарка из деревни Гайдуковка. (63. 345)

Емельян Романович Романов следующим образом характеризовал лекарственные средства знахарей, сочетавших рецепты старинных лечебников и травников с собственными рецептами: «Всякий, кто даст себе труд ознакомиться с народными «медикаментами», легко убедится в том, что большинство их не только не выдерживают ни малейшей критики, но являются положительно нелепыми. Особенно это надо сказать о лекарствах минералогических и приготовляемых из животных отбросов. Употребление их может быть объяснено с одной стороны пословицей: «утопающий за соломинку хватается», а с другой – обычным народным консерватизмом: что употреблял знахарь-дед, то должны употреблять и его внуки.

Во всяком случае, желательно, чтобы на деле изучение народной медицины наш учёный медицинский мир обратил более серьёзное внимание. Если среди массы нелепостей он найдёт здесь только единичные целебные средства, благодетельные для человечества, его заслуга уже будет бесконечно велика». (43.С. 107)

ОТНОШЕНИЕ К ЗНАХАРЯМ В ОБЩЕСТВЕ

Отношение к знахарям властей

Развитие медицины и отношение к знахарству в Речи Посполитой

В Речи Посполитой (1569—1795), конфедеративном государстве, включавшем в себя Королевство Польское и Великое Княжество Литовское, медицина постоянно развивалась. К моменту третьего раздела Речи Посполитой и полного вхождения белорусских земель в состав Российской империи в 1795 году здесь действовало 370 «шпиталей» (госпиталей, больниц). Их содержали православные, католические, униатские монастыри, монашеские и профессиональные братства, религиозные общины, городские магистраты. В «шпиталях» работали врачи, получившие образование на медицинских факультетах Виленского, Варшавского университетов и университетов Западной Европы.

В Речи Посполитой, как и в других государствах католического вероисповедания, сохранялось разделение на врачей и хирургов. Оно шло с тех времён, когда обработку ран и хирургические операции выполняли исключительно мастера из брадобреев-цирюльников. (Решением 4-го Латеранского собора 1215 года католическая церковь отделила хирургию от общей медицины, ибо христианской церкви «противно пролитие крови»). Для получения звания мастера цирюльники сдавали экзамен на знание «любой части человеческого тела от макушки до стопы». Первые годы после экзамена они лечили раны, вывихи, готовили мази от остановки крови и противоожоговые средства. Затем разрешалось ампутировать конечности, оперировать череп и проводить другие хирургические вмешательства.

Только с середины XVIII века хирургию постепенно начали приравнивать к медицинской науке, а цирюльников-хирургов к врачам, официально называя их «практиками медицины, хирургии и акушерства». (51. С. 7—9) Крупная шляхта пользовалась услугами собственных придворных врачей, которые нередко оказывали медицинскую помощь жившим рядом с магнатскими поместьями крестьянам и местечковцам. Сохранились документальные описания операций, проведённых придворным хирургом князей Радзивиллов Ф. Т. Эме жителям Несвижа. (Несвиж местечко в 110 км от Минска). Самые значительные из них – удаление опухоли молочной железы у 24 летней крестьянки и удаление камня из уретры местного крестьянина. Первая операция длилась 2 минуты, вторая заняла чуть больше времени. (Там же. С.15)

С конца XVI века на землях Беларуси действовали аптеки. Первая аптека открылась в 1583 году в Бресте, когда местный мастер-цирюльник Генрих Петерсен получил высочайшее королевское разрешение обустроить на территории брестского замка «склад аптекарских вещей». С 1626 года аптека работала в Лиде, с 1630 года в Слониме, с 1542 года в Гродно. В XVIII частные и монастырские аптеки появляются в Минске, Витебске, Полоцке, Могилёве.

В 1775 году в речи Посполитой было создано первое в мире Министерство здравоохранения под названием «Шпитальная (госпитальная) комиссия». Однако, традиционно крестьяне и местечковцы больше доверяли местным знахарям и лечились у них. Тем более, что основную причину множества болезней народ видел в чарах, наведённых ведьмаками и чаровниками. И только знахари могли помочь избавиться от подобных заболеваний. В архивах Минска, Могилёва, Полоцка и других городов хранятся документы судебных разбирательств конца XVII – XVIII веков, связанных с чарами. Так в 80-х годах XVIII века суд Могилёва рассматривал обвинение мещанином Харько его служанки Орины в колдовстве. Харько, желая доказать вину Орины, рассказывал о больших хозяйственных убытках, недоразумениях с женой. Главным аргументом он называл наведённую порчу на сына, который только к 8 годам начал

ходить. В Полоцке проходил судебный процесс над мещанином Василием Биркуном. Горожане обвиняли его в наведении чар через водку и пиво. Выпив «зачарованный» напиток, люди внезапно заболевали или становились буйно-помешанными, и им приходилось идти к Биркуну исцеляться за большие деньги: «Петра Демидовича он виталь (угощал) пивом по-полудню, а до вечера трохи не розервало (чуть не разорвало), аж мусели (советовали) людзи ему Биркуну кланять се, абы адходзиль (адчароваль)», – говорил на суде один из свидетелей обвинения. (14. С. 229) Порой белорусы обращались в суд с заявлением о колдовстве, основываясь всего лишь на необычной ситуации. «Въ нocy нeтъ ведома хто, подышовшы на знакъ чаровъ, ворота и стены дому пана Василья Пауковича... зъ улицы не ведати чимъ позаливаль...; хтось за тымъ заливаньемъ на здоровье самого пана Василья Пауковича, малжонки (жены) и детей ихъ чугаетъ (покушается). Зачымъ менечы (думая) чары починены, а не будучи безпечнымъ здоровья, маетности (имущества) и фортуного в пожитыю поваженья, тое позаливание воротъ и стенъ за разомъ того часу вradoви обвёлъ (доложил начальству) и занёсь, на случай открытiя виновника, въ градскiя книги». (Там же. С. 228) Признанных виновными в чародействе наказывали битьём палками и длительным заключением в тюрьму.

Законодательство Российской Империи о врачебной деятельности и знахарях

После включения всех белорусских территорий в состав Российской Империи в 1795 году сразу последовали преобразования медицинского обслуживания населения по российскому образцу. Были введены должности уездных врачей и повивальных бабок. Уездным врачам полагалось бесплатно обслуживать больных всех сословий и бороться с периодически возникавшими эпидемиями, заниматься оспопрививанием. С 1797 года заработали губернские врачебные управы, действовавшие до 1903 года. До 1868 года по их регламенту на 7 тысяч населения предусматривался 1 врач, 1 фельдшер и 3 дипломированные повивальные бабки, получившие специальность на профессиональных курсах. С 1868 года в уездных городах на средства населения начали открываться больницы и приёмные покои, а по новому регламенту каждый уезд получил одного разъездного врача, 7—9 фельдшеров и трёх повивальных бабок. С 1781 по 1802 год в губернских городах власти учредили Приказы общественного призрения, в функции которых входило открытие и содержание больниц, аптек и приютов. В 1911 году на территории Беларуси были организованы земства, и все функции врачебных управ и Приказов перешли Губернским и Уездным земствам. В них же появились и санитарные отделы.

Одновременно с новыми структурами здравоохранения в силу вступило Российское Уголовное Уложение. В него входили пункты, предусматривающие уголовное наказание за колдовство, чародейство (пункт 2, статьи 933, 934, 935) и за «мошенничество, при котором были употреблены суеверные обряды» (пункт 5, статья 175). Но главным документом для всех врачей, как дипломированных, так и народных, стал Устав врачевания. Согласно Уставу, официально лечить дозволялось исключительно лицам, имевшим диплом о медицинском образовании и получившим разрешение на практику в Медицинском департаменте, входившем в состав Министерства внутренних дел. В том числе по специальности «фельдшер» и «повивальная бабка». К тому же, в Российской Империи действовала Медицинская полиция. В её задачу входило следить за выполнением положений Устава врачевания, разбирать дела, связанные с неудачными или губительными последствиями лечения и назначать наказание по статье 871 Врачебного Устава, включавшими арест, тюремное заключение, каторгу. К подобным последствиям приводило не только знахарское врачевание, но и деятельность фельдшеров и повивальных бабок, которые порой брались за тяжёлые случаи, не имея достаточной медицинской подготовки и знаний. Но документ был практически неизвестен в белорусской глубинке. Уважаемые народом знахари как лечили, так и продолжали лечить.

В 1897 году свет увидела статья крупного российского юриста, правоведа-криминалиста Августа Адольфовича Левенстима (1857—1915) «Суеверие и уголовное право», опубликованная в 15 выпуске журнала Министерства юстиции «Юридическая библиотека». Автор чётко и подробно разъяснял, какие средства лечения позволено использовать, а какие запрещены законом: «Средства, употребляемые в народной медицине, делятся на две группы: есть народные травники, в которых описаны медикаменты действительно целебные; польза таких лекарств установлена долголетним опытом, и эти знания, накопившиеся веками, передаются из рода в род. Но есть и другие способы лечения, которые приносят один только вред, но всё-таки применяются тёмными людьми довольно часто. ...Многие средства, употребляемые в народе, настолько грубы, что они вместо излечения вызывают смерть, а отсюда возникает вопрос о возбуждении преследования по ст. 1468 уголовного наказания. Наконец, некоторые способы лечения настолько жестоки, что судья, незнакомый с местными суевериями, может подумать, что в данном случае было совершено простое убийство». (22. С. 104)

Знахари чаще всего подвергались уголовному наказанию за «использование средств, приносящих вред здоровью», и отправлялись в тюрьму на срок от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев. Например, за «насаждение» болезней крестьянам, занесённым в рекрутские списки. Дабы оградить парней от солдатчины, знахари мазали им глаза соком «нарывной травы» лютика. К более сложным, но и более действенным средствам относилось «насаждение» ревматизма. Бралась земля из свежей могилы, смешивалась с золой из семи печей и солью из семи изб, затем закладывалась в лапти или сапоги потенциального рекрута. Смесь пропитывалась потом ног, вызывала ревматизм, и в результате молодого человека вычёркивали из рекрутского списка, как непригодного по здоровью. (Там же. С. 107)

О незаконной лечебной практике знающих людей властям обычно доносили местные фельдшеры, желая устранить уважаемого народом конкурента. Если донос получал подтверждение, то на первый раз знахаря или знахарку брали под арест на срок от 7 суток до 3 месяцев. Российский писатель, историк и этнограф С. В. Максимов, путешествуя по Северо-Западному краю, записал историю о таком доносе, услышанную от известного знахаря, «возле двора которого подвод больше десятка каждый день стояло». (26. С. 184) «Нашлись у меня завистники и донесли попу и уряднику, что я чёрной магией занимаюсь. Я ничего не знаю, сижу дома – глядь: ко мне в хату приходят поп с урядником, а избу понятые окружили. На-перво поп обратился ко мне:

– Ты, Михайло, сказывают, лечишь народ по книжкам от всяких болезней, так покажи нам свои книги?

А я ему наоборот говорю:

– Лечу, это правда. И разные у меня корни и травы есть, и книга тоже есть: по ней я разбираю, каких корней от какой хвори дать, и с молитвою творю это. А вреда никакого я не делал людям.

Урядник как крикнет на меня:

– Ты не разговаривай с нами, а подавай твои книги и корни, а мы их становому представим! Тебя за Сибирь загонит он за это лечение.

Я не испугался его. Открыл укладочку, где книга моя лежала и корни, и говорю:

– Извольте брать к себе всю укладку: тут всё лечение моё. Только прошу, не растеряйте листов из книги, да корешков не трусите: дуже трудно их собирать.

Урядник отвёз укладочку мою к становому, а тот корни и книгу к доктору отправил. А доктор посмотрел мою книгу и сказал:

– Это безвредная книга: травник называется.

Так всё и отдали мне назад». (Там же. С. 184—185)

Знахари и знахарки, защищая себя и свою деятельность от доносов и гонений властями, использовали «тайные» молитвы-обереги. Евдокиму Романовичу Романову во время одной

из поездок в Рогачёвский уезд Могилёвской губернии удалось убедить очень старого знахаря из деревни Заборье, называвшего себя Стариком, поделиться текстом такой молитвы. «Поклонюся святому молодценцу-нарожденцу, и Васильлику – Новому Годочку, и Хращённійку, и Стречаннійку, и Авдокеи и Ляксею, и Сорокам, божимъ молитвенникамъ-мучаникамъ, и святой Пяцинцы-плащаницы, вяликой, воскресной —штобъ наши душачки отъ скверносыци, отъ нужды, отъ печали, отъ цяжкаго уздыханья, отъ слезнаго узрыдованья, отъ несчастной годзины, отъ некаянныя силы, – штобъ нас Богъ закрывавъ и помиловавъ, Исусъ Христосъ хростомъ и прачистая мати *Руси*.

Покланюся и святому Юрью-Ягорью, молитвеннику, и святому Миколаю-запомошнику, молитвеннику святителю; и святому Михайли-архани; и святому цару Костянтину, за свайго благодетельнаго цара государа Александру Александровича на довгая лета. И святому Дзевятнику, и Дзсятуси-Пяцинцы, и святому Пятру-Павлу, и Ильлю надзелящему, и царикю Хлору.

Поклонюся святому Борису и Ганьи – преподобникамъ; поклонюся маць-святой Макавеи; святой Спасъ, милуй насъ и питай насъ, божай благодацьцю напитай насъ; пшаницу на проскуру, а божу рожу (розу) на питанья души. Прачистая мацi, радуй насъ и помилуй насъ.

Поклонюся святому Ивану Ксцицялю и храницялю, и святому Здвигенію и Увядзенію, и Кузьму-Дземяну-срэбраньнику, и Варвары-божай преподобницы, мучаницы.

Божия преподобницы, молиция Бога за нас!» (42. С. 411—412)

Если судебного разбирательства из-за незаконной лечебной деятельности избежать не удавалось, то перед заседанием суда знахари нашёптывали заговоры на расположение и милость судей. «Госпади, благаслави, Отча! Адеюсь светымъ яко ризою, пакрыюся воблакымъ, перепаяшуся поясымъ Пресвятыя Багародицы, миласцивыя заступницы. Свяжи уста, и языкъ, и гартанъ у князей и баярей, у правитилій и во всякихъ властей и у приказныхъ служителей». (11. С. 205) Когда же народный врачеватель считал себя полностью невиновным и понапрасну оклеветанным, то в ход шёл заговор «От несправедливого обвинения». «Иду я, рабъ Божай (имя), изъ избы в дверь, изъ двора въ варота, въ зялёныя луги, въ чистыя паля, въ темныя лясы; нашолю тридисяць пруту. Ляжить тридисяць грабоу, тридисяць миртвяцоу; в тыхъ тридесяти миртвецахъ сирдца ни разгараютца, руки ни припаднимаютца, уста ни атваряютца – такъ и на мяне (имя) пусть сирдца ни разгараютца, руки ни припаднимаютца, уста ни атваряютца.

Аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа.

Христосъ съ нами астауся вчера и днесъ и ныне.

Ты если Бохъ вяликъ – пашли пубядить деманскія силы, и мне, рабу Божаму, пубядить всехъ враговъ, востающихъ на мя неправидна.

Аминь, аминь, аминь». (Там же. С. 205)

Отношение к знахарям местных священников

Белорусское православное духовенство изначально занималось не только религиозным просвещением и духовным здоровьем своей паствы, но и здоровьем телесным. Например, трактат «Слово о расслабленном» епископа Кирилла Туровского (1130-е гг.-1183) и по сей день служит ценным источником изучения медицины XI – XII веков. В «Слове» Кирилл Туровский писал о болезнях и их успешном лечении. Он указывал на великую силу солнца и воды, укрепляющих и продлевающих человеческую жизнь. Епископ подчёркивал важность питания и удобной одежды для здоровья, называл активность психической деятельности важной составляющей здорового человека.

До включения Великого Княжества Литовского в состав Речи Посполитой в каждом православном монастыре вели приём и лечили больных монахи-лечцы. Главным медицинским

пособием им служили травники «Вертограды». В «Вертоградах» давались лечебные рекомендации, описывались растения, минеральные и животные средства врачевания. Успехом у монашеской братии пользовались и переводы-компиляции книг Гиппократ, Галена и Авиценны под названием «Физиолог» и «Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского». Монахи довольно удачно проводили хирургические операции, вправляли вывихи, излечивали переломы конечностей. Церковная уния 1596 года, объединившая православную и католическую церковь под «крылом» Ватикана и создавшая униатскую церковь, лишила монахов возможности заниматься всем, что связано с «пролитием крови», в первую очередь помогать раненым. Однако монахи-хирурги во время многочисленных войн, проходивших на белорусских землях, под страхом отлучения от церкви (в ВКЛ и Польском Королевстве инквизиция практически не действовала) продолжали тайно оперировать раненых солдат и офицеров.

При униатских и католических монастырях действовали аптеки, в том числе в Пинске, Слуцке, Глубоком, Щучине. Одна из крупнейших, основанная в 1761 году, находилась в Полоцком монастыре бернардинцев. Многие растения для изготовления лекарств выращивались на монастырских аптекарских огородах, прочие компоненты закупались. Большую известность получила аптека при Мстиславском монастыре иезуитов, открытая в 1740 году. Для неё специально построили каменное здание, закупили необходимое оборудование, аптечную посуду и аптечную мебель. Монахи собрали ценную библиотеку фармацевтических книг и рецептов, сами готовили и продавали лекарства, хотя в аптеках других монастырей этой деятельностью занимались нанятые провизоры. Во время эпидемий цены на лекарства в монастырской аптеке значительно снижались. Особенно нуждающимся жителям Мстиславля и окрестностей лекарства отпускались бесплатно. (15. С. 76—77)

Вхождение белорусских территорий в состав Российской Империи упрочило положение православного духовенства. Тем более, что в 1839 году церковная уния была отменена, а униатская церковь упразднена. Будущие священнослужители, обучаясь духовных училищах, получали отличную подготовку по оказанию необходимой медицинской помощи прихожанам. А их отношение к знахарству официально прописывала изданная в 1844 году и затем многократно переизданная методичка «Врачебно-духовное наставление для духовных училищ». Методичку составил академик Степан Фомич Хотовицкий (1796—1885), доктор медицины и хирургии, адъюнкт-профессор кафедры повивального искусства, судебной медицины и медицинской полиции Императорской Военно-Медицинской академии «по поручению Медицинского Совета». Перед уже упомянутой выше Медицинской полицией стояла задача определять меры «против опасностей для здоровья и жизни, возникающих из суеверий и предрассудков народных» и контролировать исполнение данных мер. В качестве контролёров часто выступали сельские и местечковые священники.

О знахарях методичка Хотовицкого сообщала следующее: «Хитрые обманщики, или шарлатаны, известные под названием деревенских знахарей, находят именно в легковерии простолудинов, преданных суеверию и предрассудкам, самую надёжную подпору для корыстолюбия своего... Множество больных особ ежедневно обращается к знахарям, увлекаясь молвою об удивительных успехах этих людей в скором и удобном лечении болезней простыми средствами. Но, при ближайшем исследовании, оказывается, что молва такая основана на некоторых только случайных удачах в лечении, большей частию на ложных рассказах и преувеличенных обещаниях. Давно всем известно, что знахари наиболее славятся скорым и благополучным лечением особенно наружных болезней (язв, сыпей, глазных болезней и прочих) через наружные средства (мази, пластыри). И редко доставляют облегчение внутренним болезням». (55. С. 3—10)

Одновременно методичка давала подробные рекомендации помощи больным со стороны священника. При простуде «от вспотевшей головы, а также сильно потливых ног» требовалось уберечь заболевшего от всяких «горячительных средств», отправить его в умеренно тёплую

комнату, заменить мокрую обувь и всю одежду на сухую, поставить промокшие ноги в тёплую воду, смешанную с золой или горчицей и часто давать пить тёплый чай из сушеной малины или из липовых цветов. От продолжительной головной боли на затылок рекомендовалось приложить «горчишное тесто» – смесь из равных частей уксуса, мякиша ржаного хлеба и тёртой горчицы. Но если одновременно с головной болью наблюдалась «краснота лица и сильное бие-ние шейных жил», назначалось «прохладное содержание головы» и тщательное согревание ног, кисловатое питьё из разведённого водой клюквенного сока, частый приём огуречного рассола, смешанного с поваренной солью. Когда подобные средства не помогали, следовало приглашать врача, или, в крайнем случае, фельдшера. (Там же. С. 37)

От змеиного укуса священники выполняли следующую инструкцию методички: «Нужно уязвлённый член туго перевязать над самым местом ужаленным; самую рану, обыкновенно весьма малую, даже едва приметную и почти не кровоточащую, надобно несколько расширить остроконцием ножика для удобнейшего стечения крови, и к расширенной и солёной водою обмытой ране тотчас приставить кровососную банку или рожок; наконец здесь нужно прижигание раны раскалённым железом и немедленное приглашение образованного врача». (Там же. С. 56—57)

Вооружённые начальными медицинскими знаниями и умениями, священники действительно успешно справлялись с оказанием первой медицинской помощи. А наиболее способные из них даже составляли конкуренцию не достаточно сильным знахарям. Бывало, что сами знахари отказывались лечить человека и отправляли его на исцеление к батюшке. В первую очередь в тяжёлых случаях психических недугов, связанных с «подселёнными» к человеку бесами. Вот пример молитвы «Из чина изгнания бесов от человека», которую читал батюшка во время религиозного целительского обряда: «Заклинаю тя, нечистый душе, всякое нападение враже, всякъ призракъ, всякій полче: въ Имя Господа нашего Ісуса Христа, да искоренишися, и избежнеши от создания сего божія. Сей ти повелеваетъ, иже ты с вышнихъ Небесъ, в нижнихъ земля потопити повеле. Сей ти повелеваетъ, иже морю, ветромъ и волнамъ запрети. Слиши оубо и оубойся сатано, сутостате веры, враже рода человеческого, смерти наволителю, жизни восхетителю, правды оудалителю, кореню злобы, греховъ обретателю, людей прелстителю, предателю народовъ, рвенія вино, начатку лихаимства, ненависти подустителю, болезнемъ пода-телю: чесо стоиши, и противишися; ведя яко Христось Господь твоя разорить. Сего оубойся, иже въ Ісааце жренъ есть, въ Іосифе проданъ, въ Агнце оубень, в человеце распять, последиже Ада бысть победитель. Оубо отступи». (52. С. СОЕ) Уездные и губернские врачи ставили таких батюшек-целителей на одну доску со знахарями и осуждали их на своих собраниях и конференциях: «Публика, всегда равнодушная к чудодейственным средствам и не менее чудодейственным целителям, беззастенчивым реклам, с особенным увлечением набрасывается на тех и других, и таким образом возникают паломничества то к Кузьмичу, то к батюшке, то к бабушке», – говорилось в одном из таких докладов. (30. С. 3)

В основном между служителями церкви и знахарями устанавливались отношения взаимопонимания. К священникам народные лекари обращались за благословением лечебного зелья. Придя в церковь, они раскладывали собранные травы, цветы, ветки кустарников в кучку на столе, а батюшка над каждой кучкой читал «Благословение зелия против недугов». «Благо-слови, Блаже, і Ісусе Христе, зелие имярекъ, и излей на него силою твоею святой небесное благословение, да каждо иже имъ покаждень будетъ, или у себе имеетъ, врагъ ему нечесоже вредити можетъ, въ немже месте укропится, или положится, здравие принесетъ, и да отступить, да оужаснетъся диаволь, и избежитъ, ниже дерзнетъ прочее сія создания вредити. Да благосло-вишися убо зелие имярекъ: от Имени Господа нашего Ісуса Христа, и Пресвятейшая Троица, да будеши изгнание диавола, и сожителей его, и всякихъ недуговъ. Яко благъ и человеколюбецъ есть Господь нашъ Ісусъ Христось. Ему же подобаетъ всякая слава. Благо» (52. С. ФКЗ)

Хотя знахарское дело народные целители и называли «Божеским», «от Бога», но после исповеди священнику они обычно получали определённое церковное «наказание». Знахарка Агафья Петрова из деревни Борки Витебской губернии так рассказывала о своих обращениях к церковникам: «Я к игумену ходила, как на духу клялась. А он говорит: «Я так, Агафья, не могу не разрешить, не запретить, а ты с молитвой делай, да клади, ты, баба, низкие поклоны по утрам и вечерам». (59. Т. II. 527)

Впрочем, по рассказам крестьян, некоторые священники не находили ничего зазорного употреблять сверхъестественные знахарские приёмы для обустройства своих хозяйственных дел. Особенно при разведении пчёл. «У одного попа хорошо велись пчёлы. Захотел один мужик разжиться на исправных пчёлах, – рассказывал Владимиру Николаевичу Добровольскому крестьянин Бельского уезда Смоленской губернии. – Поехал мужик к попу, купил у него улей пчёл и пожелал оставить тот улей на прежнем месте до осени: пусть полетует.

Осенью приехал мужик к батюшке, когда того дома не было: уехал в город за покупками. Попадья сказала, что батюшка будет если не сегодня вечером, то завтра утром непременно. Пасека батюшкина была версты за две. Пошёл мужик туда и думает себе: заночую на батюшкиной пасеке. Пришёл, взял курницу, открыл свой улей, а там ни грамма мёда.

Вечером приехал батюшка, благословил мужика и говорит:

– Ты ж смотри, ночуй у меня, Петрок. Завтра пчелишек посмотрим.

Наутро перекрестились, опохмелились, зажгли курницу, открыли улей: улей полон мёда, а мёд, как кровь. Закричал мужик от страха:

– Боже ж мой, Царица моя Небесная! Нет, нет, нет! Как жил без пчёл, так и жить буду! И денег больших мне не надо и улья вашего не надо!

– Что ты так испугался? Ну ладно, только смотри, никому не глаголь!» (11. С. 100—101)

Отношение к знахарям врачей

Горожане и местечковцы обращались и к профессиональным медикам, и к знахарям. Крестьяне же вплоть до начала XX века предпочитали только местных знахарей. Порой крестьянская община заявляла земскому врачу, приехавшему в деревню для осмотра больных, чтобы он со своими снадобьями уезжал туда, откуда приехал. «Ну что дохтур, деньги возьмёт, а толку никакого. Если даже знахарь не смог вылечить, то разве дохтур поможет?» – говорили обычно крестьяне. Отношение к врачам в деревнях хорошо показывает игра «Мацей», в которую на Коляды играли в Борисовском уезде Минской губернии. «В нашем селе на колядные святки на вечеринках делают так, – рассказывал Павлу Васильевичу Шейну местный житель. – Один представляет себя за Мацея, второй за его жену, а третий за доктора. Мацей, держась за живот, говорит: «Был я у пана Бруневского на кутье, объелся кутьи, не могу сойти, не могу пойти, ни шагнуть, ни зевнуть, ни к своей жене зайти. Что моя жена Ульяна ни делала: горшок на пуп ставила, – ничего не помогло, только хуже стало. Посоветовали сходить в аптеку Равского, купить мха, чертополоха, куриной желчи, комариных кишок, ещё чего-то понемногу. Сделали болтушку, потрясли. Выпил – ничего не помогает, ещё хуже становится.

Приходит доктор Бутурумей.

– Здорово, Мацей!

– Здорово, пан Бутурумей!

– Что у тебя болит?

– Да тут возле пупа резь режет.

– Приляг брюхом, а я послушаю ухом... Эге, Мацей! Тебя семилетняя лихорадка трясёт. Нужно тебе пот выпустить, со лба кровь пустить и на затылке банки поставить. – И давай бить молотком Мацею по животу, чуть дух из него не выбил. Бьёт и приговаривает:

– Мацей, потей! Матей, потей!

Мацей не выдержал, вскочил, а доктор удрал. Мацей бросился его догонять, ударился о дверь и говорит: «Вот чтоб тебе поветрие! Напотел, намотел, а сам к чёрту полетел... Не лечит – калечит. Как бы его догнал – все бы косточки переломал».

Входит жена Мацея Ульяна и говорит:

– Пойдём, пойдём, мой курдюрка! Я и ленок, и грибочки положу, тебе квартичку (четверть штофа водки) поставлю. – Берёт Мацея подмышки и уводит, напевая одну из колядных песен». (59. Т. III. 156)

К счастью, развитие медицины постепенно усиливало авторитет дипломированных врачей у сельского населения. К 1900 году в Беларуси действовали следующие медицинские учреждения: 206 больниц разных ведомств, в том числе 69 сельских, частные больницы, военные госпитали; 146 сельских врачебных покоев, 241 фельдшерский пункт, 220 аптек. Открывались специализированные лечебные подразделения: родильные приюты, глазные, инфекционные и хирургические лечебницы, психиатрические отделения. Появилась традиция созыва губернских врачебных съездов. В 1892 году состоялся съезд сельских врачей Гродненской губернии, в 1899 году – общий съезд врачей Витебской губернии, обсуждавший в том числе положение сельской медицины. Врачи Минской губернии собирались на свои съезды три раза до начавшейся в 1914 году Первой мировой войны. На съезде 1898 года они выступили с требованием отменить все телесные наказания.

Одной из важнейших проблем, поднимаемых делегатами врачебных съездов, являлся вопрос отношения к знахарям и знахарскому врачеванию. Большую обеспокоенность медиков вызывало лечение знахарками и повитухами детских болезней «маковкой», отваром из незрелых маковых головок. Его давали и младенцам, и ребятам постарше в неограниченных количествах, постоянно купали в нём. Доктора-педиатры не отрицали, что благодаря содержанию опия «маковка» в малых дозах помогает успокоить больного ребёнка. Но постоянное и не дозированное её употребление делало детей вялыми и в принципе задерживало развитие всех их жизненных функций. Осуждению подвергался и метод лечения детской пупочной грыжи исключительно заговорами и её «грызением». В то же время уездные врачи сообщали о результативном лечебном действии детской присыпки против опрелостей из сосновых гнилушек; о средстве из копытника при детских сыпях и ряде других исцеляющих снадобий, применяемых деревенскими повитухами. Они констатировали, что в лечебной деятельности знахарей действительно много бестолковых, грубых и суеверных способов лечения. Например, таких как «перепекание», когда больного ребёнка сажают на лопату и отправляют в горячую печь, чтобы он «заново испёкся», или «переродился». Однако методы народной медицины, обеспечивающие выздоровление, уездные медики советовали всесторонне изучать и использовать.

Дипломированные врачи отдельно выделяли знахарей и знахарок, специализировавшихся на костоправстве. Те умели искусно вправлять вывихи, накладывать на переломанные кости повязки из лубочков и дощечек. Растяжения и ушибы костоправы и костоправки лечили «правлением», сильно и равномерно натирая больное место мылом или маслом. Довольно скоро боль у пациента уменьшалась, а опухоль на повреждённом месте исчезала. Врачи сходились во мнении, что массажи, искусно выполняемые знахарями, представляют собой большую медицинскую ценность. А знахарские заговоры, нашёптываемые во время лечения, прогрессивные доктора конца XIX – начала XX веков стали называть первоисточником медицинских гипнотических внушений. (30. С. 25—26) По их мнению, особый успех подобные внушения имели при остановке знахарями крови. Те шептали заговор, накладывали на рану руку, обливали больного холодной водой или использовали другие приёмы, после чего кровотечение останавливалось. Один из подобных способов остановки крови записал от знахарки в Гродненском уезде Гродненской губернии псаломщик И. О. Карский. Знахарка сначала шептала заговор-угрозу: «Кроу кровушка! Перестань цечы! Будзешь у здоровумь целе и у жилахь жици и разомь Бога хвалици; а коль не перастанешь цечы да зь цела ици, то тебе не будуць обсар-

воваци, але собаки будуць лизаці. Годзижъ табе иці, иці годзи, бо у гэтого чалавека хвораго посоловели очи, да помлели руки ноги». Затем пациенту-мужчине рисовала его кровью крест на лбу, а пациентке-женщине перевязывала ногу красной ниткой. Кровь мгновенно останавливалась. (59. Т. II. С. 540)

Именно благодаря знахарям врачи стали использовать керосин для натирания от ломоты, смазывания язв и больного горла. Издавна применяемые народными лекарями от болей в сердце ландыш и горицвет в 60-х годах XIX века были исследованы и признаны официальной медициной сильнейшими лекарствами от сердечных недугов. Подсолнечник, одно из важнейших знахарских средств лечения лихорадки, начали использовать и патентованные врачи. Так же медики не раз замечали, что снадобья из одних и тех же растений, получаемые больными в аптеках или в больницах, оказывались менее эффективными, чем приготовленные знахарями. «Успех сельских лекарей в излечении самых застарелых болезней одними известными, невинными травами зависит единственно от собирания оных на природных своих местах, так же от надлежащего их приготовления и сбережения от влияния воздуха и температуры, которые большей частью изменяют или вовсе уничтожают целебную силу действительнейших растений... Опытные деревенские знахари все вообще целебные растения, собранные на своих природных местах, умеют хорошо сберегать от сырости, плесени, гнилой порчи и других повреждений, уничтожающих лучшие их силы. Они привешивают их в мешках или кульках в сухом месте, сырые же содержат в холодных покоех и погребах, куда бы мороз не мог проникнуть. Свежие корни, назначаемые для разводу, хранят тоже в погребах, а весной высаживают», – объясняли причину успеха знахарей авторы лечебника «Целебные силы природы». (56. С. 6, 8)

В начале XX века белорусские врачи по распоряжению Российского Медицинского департамента стали употреблять для лечения брусничную траву, одновременно исследуя её воздействие на больных. В то же время беспокойство вызывали знахарские снадобья из сильнодействующих растений: чистотела, одолень-травы, царь-травы. Многие знахари применяли их по принципу «душа сама ведае, кольки травы трэба». Но иногда душа ошибалась, что приводило к тяжелым последствиям для пациентов.

Отдельно в медицинском сообществе стоял вопрос о доноситељстве, в первую очередь фельдшеров и дипломированных повивальных бабок, на незаконную лечебную деятельность народных лекарей и деревенских повитух в соответствии со статьями 130, 131, 132 Врачебного устава. Многие уездные врачи, руководствуясь собственными профессиональными наблюдениями, настаивали на том, что фельдшерам и повивальным бабкам было бы лучше не отпугивать от себя знахарей и повитух протоколами, а внимательно изучать наработанные веками исцеляющие методы народной медицины.

Большое влияние на отношение официальной медицины к знахарям оказал III Всероссийский Пироговский съезд, проходивший в Санкт-Петербурге в январе 1889 года. Большинство делегатов поддержали выступление знаменитого российского врача Николая Фёдоровича Здекауэра (1815—1897), профессора Императорской Медико-Хирургической Академии, лейб-медика Императорской семьи. Профессор полагал, что «только путём гуманного отношения к народным лекарям можно добиться их доверия и откровенности. А врачам необходимо осмыслить народную медицину, очистить её от суеверных примесей и установить для неё более правильные показания и дозы. Ибо, сколько бы ни открывалось лечебных пунктов, как бы не увеличивалось число патентованных врачей, но основная масса населения представлена в деле врачевания своим знахарям, которые родственны народу, и связь с которыми освящена веками». (28)

КАК СТАНОВИЛИСЬ ЗНАХАРЯМИ

Передача знахарства преемнику

Среди этнографов и фольклористов конца XIX-начала XX века бытовало мнение, что знахарем может стать любой человек; главное – получить знахарские знания путём их передачи. Но сами знающие не соглашались с таким выводом. Они пытались донести до собирателей-фольклористов следующее: только талантливый человек, с хорошей памятью, с определёнными свойствами ума и души достоин стать знахарем или знахаркой. Ведь, чтобы лечить людей, требовалось читать по памяти множество заговорных текстов, знать различные целебные средства и уметь правильно их использовать. Передавалось знахарство по кровному родству старшей дочери или старшему сыну, ибо народная традиция наделяла первенцев «лёгкой рукой». Если дочь или сын отказывались продолжать родительское дело, то знахари выбирали преемника из близкого окружения, соблюдая главное условие – передать знания и умения человеку более молодому, чем они сами. В противном случае ни один заговор не действовал. Передача происходила по-разному. Чаще всего знахарь читал преемнику все свои заговоры и пристально смотрел ему в глаза. Иногда после передачи заговорных текстов оба пили из одной чашки. В редких случаях старые знахари или знахарки плевали в чашку с водкой или водой и наказывали преемнику всё выпить.

Порой никто из близких не желал принять на себя знахарский дар. Тогда знахарь отдавал его Матери Сырой Земле, ложась на землю и совершая все действия, которые надлежало провести с преемником. Или проводил обряд передачи знахарства зерну. Наговаривал все свои заговоры на собранные в корзинку хлебные зёрна, затем уходил глубоко в лес, вешал корзинку на ветку дерева и там оставлял.

Бог даёт знания

Белорусы представляли Бога старичком, который правил миром, сидя на небе, но иногда спускался на землю к людям. Спустившись, Господь отправлялся странствовать, общался с людьми, одаривал их благами или наказывал. Он же наделял тайными знаниями тех, кого избрал в народные лекари. Знахари и знахарки, получившие дар непосредственно от Бога, имели славу наиболее сильных знающих. Когда Бог давал дар знахарства незамужней девушке, то ей запрещалось выходить замуж. В противном случае она теряла полученные от Бога способности и сама начинала сильно болеть. Однако замужние женщины в подобной ситуации продолжали жить в браке, обеспечивая свою семью материальным благополучием и передавая по традиции дар старшей дочери. В народе сохранилось довольно много рассказов о том, как Бог в образе старичка обучал знахарству.

Как прозрела и сделалась знахаркой Степановна из Доморадчины

«Вот что рассказывала Доморачиха своей куме. «Не видела я ничегошеньки и уже замужем была. Вот на самый Христов день все из дома разошлись, кто в церковь, кто ещё куда. Остались дома только я и муж мой. Говорит мне мой муж: «Хоть бы, ты, слепая, воды принесла, а то сидишь тут чурбаком». Я заплакала, ведра на плечи взяла и пошла за водой. Иду и плачу. Встречается мне человек:

– Здравствуй!

– Здравствуй! – отвечаю.

- Почему ты плачешь?
- Да вот слепая я, не вижу, где та вода.
- Идём, я тебя до воды доведу.

Привел он меня к колодцу и дал мне косточку в колодец бросить. И что ты думаешь? Я видеть стала, а косточка эта плавает поверх воды в колодце. Я бух тому старичку в ноги: радая-радешенька, что увидела свет Божий.

– Черпай водицу, – говорит он мне, – а косточку эту возьми себе. Ты будешь знать много, очень много. Станешь отхаживать от болезней скот и людей; станешь отговаривать от злого человека и дурного взгляда. Тебе ведомо будет, что делать, чтобы скот вёлся у кого не ведётся; как дом строить нужно. Только смотри, деточка, чтобы у тебя эту косточку не украли!»

А муж её слушает наш разговор и любит, на жену глядя, (в то время его жена Доморачиха сильно была в славе), да и говорит:

- Вот же дошла. Ну, слепая, так слепая!
- А Доморачиха так себе скромненько отвечает:
- Это Бог милостивый мне показал». (11. С. 75—76)

Как Арина знахаркой сделалась

«Несла Арина работникам еду. Встретился ей седой-преседой старичок.

- Здравствуй, деточка! Куда же это ты идешь?
- Несу на покос работникам поесть.
- Поставь горшочки, я тебе травку покажу.
- Дядечка, мне надо еду нести.
- Так это же не забавиться (не развлекаться). Ну, пойдём.

Три дня он её водил и всё показывал травы, какие и от чего, и всё уговаривал:

- Не иди ты замуж... Но ты выйдешь, не выдержишь... Не послушаешь меня!..

Так он её водил, показывал разные травы и вывел на прежнее место. Так и вышло. С тех пор, как поговорила она со старичком, как ребёночек у кого заболит, она ребёночку пользу даёт. От сглаза лечила, от ломоты, и если возле сердца ноет – от всего пользу. Всё он ей показал. Стала она сама себе на кусок хлеба зарабатывать.

А как вышла замуж, так сразу все знания забыла. Да и с мужем она не живёт. Арина и сейчас ещё жива, только почти слепая: глаза её стали низкие, только немного свет видит перед собой». (11. 74—75)

Как Бог бобылку бабкой-повитухой сделал

«Ходил дедуля Бог по деревне, просился пустить переночевать. Но все жители, не имея чем его накормить, отсылали старика к бобылке. Пришёл старик к бобылке и просится на ночлег. Она тоже хотела отказать, говорит: «Негде у меня». А дедуля ей на это: «Ах, моя голубка, я переночую и под лавкой». Согласилась бобылка пустить старика: «Что же, ложись на лавке, дам тебе что-нибудь подостлать». Бог вошёл в дом, лёг на лавку и говорит: «К тебе сегодня придут трое просить перебабить детей (принять роды)». Бобылка ему отвечает: «С чем же я пойду в бабки, если у меня нет ни дробинки соли, ни куска хлеба?» «Нет, не отказывай им. Возьми только пелёночку под пояс и иди. Но перед тем как бабить, посмотри, что там будет делаться». Так бобылка и поступила.

Пришли за ней первый раз, отвели в дом роженицы. Только посланец зашёл в сени, а она раз – и под окно. Видит – на столе много вина, хлеба-соли. Все пьют и закусывают. Приняла она ребёночка. Потом пошла второго младенца принять. Но сначала снова под окно посмотрела. А там носятся с саблями и ружьями, и все колются. Пошла она в третий дом, и опять

под окно. Увидела, как пьют, закусывают, гуляют и плачут. Утром, как только проснулся тот дедуля, стал спрашивать, где она была и что видела. Она ему обо всём и рассказала. «Первый твой внук (все принятые повитухой новорождённые считались её внуками), где пьют и закусывают, бесчисленно будет богат. Второй внук, где колются, в солдаты пойдёт. А третий внук, где гуляют и плачут, обвенчавшись, едучи с венчания утопитя. На этом, баба, будь здорова, живи – не тужи. Я твои обошёл клетки и засеки». «Что ты, миленький, у меня же там ничего нет», – воскликнула бобылка.

Пошёл дедуля со двора, а баба та – в клеть. Как открыла дверь, так хлеб и посыпался через порог... Догадалась тогда баба, что у неё Бог ночевал. Очень обрадовалась она, что ничего обидного ему не сказала. Ну а всё то, что он предсказал, так и случилось. Один внук богато стал жить. Второй в солдаты пошёл. А третий, услышав от неё о своей судьбе, купил перед свадьбой воловью шкуру и обшил ею колодец. Вот, едучи с венчания, захотелось ему сильно пить. Подошёл он попить к вырытой свиньями яме, нагнулся попить, так там и захлебнулся». (41. С. 13)

Лекари-немцы

Порой Бог, прежде чем наделить избранника знахарским даром, посылал ему тяжёлые испытания, в том числе мучительной болезнью и болью. А затем отправлял к страдальцу своих посредников для исцеления и посвящения.

«Одна баба три года болела, с постели не вставала, высохла, как былинка. Как-то раз заехали к ним во двор лекари-немцы. Трав лекарственных везли они большие возы. Зашёл у них разговор с мужем, давно ли хозяйка больна.

– Три года уже, – говорит муж.

– Надо бы ей помощь дать.

– Помогите, сделайте Божью милость.

Дали немцы больной травы на три раза:

– Надо три раза это выпить.

Потом сказали, что с ней случится от той травы:

– После первой будет спать. После второй скрутит её, совсем плохо будет, но всё равно надо выдержать и третью выпить.

Третий раз как траву дали, так у неё лицо к затылку завернуло. Муж испугался и удивился:

– Вот урод, так урод. Ни самому посмотреть, ни людям показать!

Захотелось бабе в баню. Пошла, а там вся кожа с неё слезла, как рубаха. Выздоровела баба и сама стала знахаркой и костоправкой». (11. С. 77—78)

Получение знаний от Лесового и Лесовихи

Народное мифотворчество населило лес лесными духами, каждый из которых управлял территорией от опушки до опушки. Жилище Лесового, где он обитал с женой и детьми, находилось в самой глубине чащи. Но домой лесной дух заходил редко, обычно ночуя на верхушках сосен или в лесных оврагах, а днём расхаживая по буреломам и валежнику. Лесовой любил принимать разные образы. Его могли видеть стариком с белым лицом, тусклыми свинцово-синими неподвижными глазами; или человеком со сплюснутым клинообразным лицом и такой же клинообразной бородой, одним глазом и одной ногой пяткой вперёд. Порой Лесовой «надевал» на себя настоящий человеческий облик, и распознавали его лишь по неподвижному правому глазу, значительно больше левого, и запахнутой левой полкой одежды поверх правой, в отличие от обычных людей.

Лесной дух наделял знаниями тех, кто его почитал и приносил ему и его семейству в лес отнoсы-жертвы в виде хлеба, сала и соли. Особое отношение у Лесового было к детям, проклятым матерями в полдень. Он их забирал к себе в лес, учил, а через семь лет возвращал в семью. Все семь лет ученик Лесового оставался невидимым и вёл жизнь созерцательную, набирался мудрости, питался «губяшечкой и труташечкой» («губяшечка» – нарост на берёзе, «труташечка» – трут), пил луговую воду. Лесной дух водил девочку или мальчика по полям и лесам, по городам и местечкам, по деревням и фольваркам, показывал разные житейские ситуации и давал собственные поучения на их счёт. Вернувшиеся после обучения юноши и девушки обладали большой серьёзностью, сосредоточенностью, сильными целительскими способностями, даром предвидения и начинали заниматься знахарством. Они продолжали сохранять добрые отношения с Лесовым, получали от него помощь в своём деле. Но если девушка, обретшая от Лесового знания, выходила замуж, то она сразу забывала всё, чему была обучена.

Лесовые запрещали ученикам после их возвращения к людям рассказывать о житии-бытии и наружности своего учителя, позволяя описывать только обучение и случавшиеся жизненные истории. Вот одна из них.

Лесная девка

«Была дочка у матери. Стала она в полдень просить есть и надоедать. А в полдень есть такая минута, в которую что мать ни проговорит, то и сбудется. Мать сказала со злости:

– Иди ты к чёрту! Убирайся! Что ты ко мне привязалась?

Как стояла дочка в избе, так лесовик взял её за руку и повел из избы. Мать не видит лесовика, а дочка видит, хозяин он теперь её. Так и увёл.

Пришли все домашние с поля полдничать. Мать зовет дочку, а той нигде нет. Мать удивляется:

– Куда же она делась? Тут же она была. Позовите её с околицы!

Бросились домашние за околицу, звали, искали, нигде девки нет. Заколотилось у матери сердце. Все сидят и полдничают, а она плачет. Искали девку долго, везде спрашивали. Туда пойдут узнавать – тут её нет. Сюда пойдут – тоже нет. И в воде искали, а потом стали поминки служить: как нет, так и нет. Вот год прошёл и второй. И девку эту всегда в церкви поминали. Как поминают, так матери на сердце легче.

Семь лет этой девки не было, семь лет водил её лесовик. Чем только она ни питалась, чем только душа её жива была. Даст ей лесовик губяшечку. Губяшечка, она как просвирочка, вкусная такая. Она потом рассказывала: «Как съем её, так до завтра и есть не хочется. И думать о еде не хочется». Приходит время спать. Приходят они к поляне, мхом поросшей, и так ей там мягко и тепло. А она всё время в одной рубашечке.

Придут они невидимые на свадьбу. Будет на той свадьбе тихо и хмуро, все гости задумчивые, затуманенные, молчат: словно тёмное облако повисло. А как придут лесовик с девкой, так сразу веселье, песни, игры. Пройдут они возле стола – и молодые целуются.

Заходят они в дома. «Там мой путеводитель порядок проверяет, – рассказывала девка. – Если что не в порядке, то кривится, не по нутру ему непорядок. Когда в доме хлеб из сеяной муки, он, пожалуй, откушает. А из не сеяной – обязательно откажется. Муку важно просеивать. Если кто хлеб, отобедавши, кладёт на лавку, это совсем не хорошо. Лесовик к нему не притронется. Если же кто воду процедит, наливая в дежу, то хлеб очень полезен, и есть его приятно. Ещё в закромах муку надо накрывать крышкой».

Зашли мы раз в избу. В ней одни спят, не помолившись. И это нехорошо. А другие перед сном помолились. Это правильно. Ложась спать, надо перекреститься и Богу помолиться.

И детей перед сном перекрестить. Перекрещённого во сне ангелы охраняют, а не перекрещённого – нет.

Входя в хату, где ссоры нет, он всегда долго стоит, всё осматривает. А если ссора не дай Бог, то торопит: «Здесь не будем, не будем. Здесь и Бог не бывает». Каждый день мы не больше, чем в двух дворах побудем, и снова в лес.

Как какой престольный праздник в селе, какая ярмарка, так мы уже тут. Будем ходить по рынку. Пойдёт он мимо лавок, товара не будет брать бумажного. Не берет, а только смотрит на него. Пройдёт возле лавок, возле всех. Послышится крик: водку пьют и льют, как разливное море. Купцы разрываются от азарта, народ наперебой их товар расхваливает, а Бог цены строит.

Возьмёт он и мне даст пряник, баранку, ореха два-три. Тут и съем, а в запас ничего брать нельзя... Будет, словно не нарочно, водить на ярмарке возле матери, возле всей моей родни. Как гляну я – слёзы катятся из глаз, ноги подкашиваются, жалко мне их – стараюсь задеть их хотя бы локотком. Он позволяет, но ни отцу, ни матери я не видна.

– Тебе родни не надо, пойдём, – говорит и уводит меня от них. Слышит ли их сердце, что я так близенько была возле них?

Стоим мы раз перед окном. Огонь горел, а потом погас. Сидит мать над больным ребёнком. А ребёночек кричит, – день и ночь всё кричит. «О, Господи Милостивый, пришли человечка, чтобы толкнул его немножко, дурь сбил», – просит мать.

А он всё стоит и слушает. «Пойдем, девка, покачаем дитёнка!» Как вошёл в хату, три раза качнул ребёночка, тот успокоился и затих, матери поспать дал. Та благодарит:

– Благодарю Господа Вышнего. Слава Богу, мой ребёночек спит.

Проспал ребёночек три дня. Пришли мы спустя три дня. Ребёночек опять закрикивается, а мать просит:

– Господи Милостивый! Хоть бы ещё того человека Бог привёл. Я бы ему молебен благодарный отслужила.

– Зайдём, девка, опять колыхнём его, пока жизнь его не прикончит: он немного проживёт. А она Богу молится – помолится и за наше здоровье. Дитя успокоится, а нам будет от матки благодарность!..

Обо всех думает, добрый. Подумает ли обо мне, приведет ли меня когда-нибудь к матери и отцу?

Как седьмой год прошёл, привел он меня к корчме, где лавки на улице выставлены. Там мои мать с отцом сидят и горелку пьют. Отец выпьет стакан и матери даёт: «Пей!» А матери как-то не пьётся.

– Пей ты сам!

Отец налил второй стакан и опять даёт матери. А я всё мать толкаю. Она как крикнет:

– Водка какая противная!

И шлёп водкой через плечо прямо мне в глаза. Лесовик говорит:

– Вот когда тебя мать заберёт! – и оттолкнул меня от себя. Видна стала я людям и бросилась на грудь матери.

– Дочушка моя родимая! – закричала мать.

Схватила я её за шею – рук не разнять. Стала она бледная, как кора у берёзы.

– Как же ты мхом обросла, и кусочки одёжи приросли к твоему тельчику. Находилась, деточка?

– Ах, находилась, ах, находилась, мамочка!»

Стал народ приходить и дивиться лесной девке. Стала она лечить и ворожить, и говорить истинную правду. Ладная была девка, но очень уж серьезная». (11. С. 78—81)

Лесовиха, жена Лесового, тоже наделяла людей знахарскими способностями. Существовало следующее поверье. Родив ребёнка, она оставляла его голенького лежать на ветке дерева. Если проходивший мимо человек замечал младенца и накрывал своей одеждой, Лесовиха

появлялась перед ним и предлагала на выбор богатство, власть, знания. Пожелавший иметь богатство сразу получал полные карманы золота. Но, выйдя из леса, он обнаруживал там лишь перегоревшие угольки. Совсем по-другому Лесовиха относилась к желавшим получить знания, одаривая их даром знахарства, как крестьянина Петрока.

Как Петрок прикрыл в лесу ребёнка и получил знания

«Косил Петрок сено на обочине леса. Стал к вечеру одолевать его сон. Видит он то ли во сне, то ли наяву: лежит ребёночек голенький-голенький, и весь в цветах. Очень жалко стало ему того ребёночка, и прикрыл Петрок его своей курткой. И тут, будто во сне, является к нему лесная девица, волосы распустивши, и говорит:

– Что тебе дать, Петрок, за то, что прикрыл моего ребёнка? Что ты хочешь: богатство, власть или знания?

– Не хочу я власти и того богатства. А нельзя ли мне получить знания?

Понравились слова крестьянина лесной девице.

– Хорошо, Петрок. Сделаю это для тебя. Ты будешь шептать, много шептать. И много пользы дашь и людям, и скоту.

С тех пор наш Петрок стал знахарем, а лесная девица его не забывала, часто навещала к нему. Он с ней советовался и много толковал. О чём – это уже их дела, нам это неизвестно. Жена Петрока рассказывала: «Лежу с Петроком, а к Петроку приходит лесная девица, волосы распустивши, вся в белом. Я лежу, от страха ни жива ни мертва, вся сжавшаяся. А она мне: „Что ты, кумонька моя!..“ А мне и страшно, и не хочу помешать их беседе, как они о своём толкуют, что к чему относится. Ох, хитра она, очень хитра! А потом она так скромненько уходит от него, как и пришла. Так это ведётся у них».

Раз Петрок пассажирку на чугунке (пассажирский поезд на железной дороге) остановил. Пьяный был, расхвастался: «Остановлю и остановлю!» И действительно, пассажирка раз и стала. А ему потом из города, откуда он ехал, пришлось переезда два месить по грязи». (11. С. 89—90)

Ужи и змеи – носители тайных знаний

Царь-уж

С древнейших времён белорусы делили ужей на лесных и домашних. Домашних ужей они воспринимали, как воплощение духов предков, покровителей дома и семьи. Их так и называли, «домовый уж». Домовых ужей очень любили и всегда под печкой давали им пристанище, кормили молоком и хлебом. Ужи запросто ползали по дому, запускали свои мордочки в миски с едой. Согласно народной вере, если в доме под печкой жил уж, то в доме навсегда селились счастье и достаток.

Проживавшие в северо-западных уездах белорусы переняли у соседей-литовцев древний обряд. Когда домашний уж умирал, хозяева сильно о нём горевали, как о старом семейном друге. Потом делали оберег от всякой беды: сдирали с мертвого ужа кожу и вытапливали его подкожный жир для особой свечи. В тяжёлое время свечу из ужиного жира зажигали даже днём. Свет её разливался по всей земле, освещал тёмные места, будил всех ужей, и они во главе с со своим Царём спешили на помощь. Собравшись вместе, ужи перешаривали всё под землёй и приносили деньги, драгоценности. Они мстили обидчику хозяев и делали многое-многое другое.

У ужей был свой вырай, или рай, куда они уходили на зимовку. В вырае росло Мировое дерево, где каждый обитатель земли имел собственное место. Души людей и птиц поме-

щались на ветках. Ужи устраивались у корней райского дерева. Но не каждому ужу удавалось оказаться в вырае. Укусившие весной или летом человека отлучались от ужиногo рая и продолжали влачить на земле самое жалкое существование, стараясь попасть под колёса экипажа или ещё каким-либо способом притянуть к себе гибель. Уход в вырай приходился на Воздвижение, 14 сентября (ст. стиль). В этот день Бог со своими наместниками, пчелой и жаворонком, «замыкал» ворота рая до праздника Сороков, 9 марта (ст. стиль.) Огромный Царь-уж шёл впереди своих подданных. Его чешуя сверкала золотом и серебром, а голову украшала корона из золотых рожков. Самые непроходимые места выбирали ужи для своего похода на зимнюю спячку. Редко кому из людей удавалось встретить их. Если же человеку посчастливилось увидеть на Воздвижение ужей во главе с их царём, то полагалось поклониться Царю-ужу, положить перед ним скатерть и положить на неё хлеб-соль. Проползая через скатерть, Царь-уж в знак благодарности сбрасывал один рожок. Получив рожок, человек мгновенно обретал необычную мудрость и проницательность, дар угадывать чужие мысли, объяснять причины и следствия событий, умение выпутываться из самых сложных ситуаций.

Похлёбка из ужиногo мяса

Народ верил, что можно стать знахарем, съев похлёбку из ужиногo мяса. Тогда человек начинал понимать язык животных, птиц и растений. Он врачевал змеиные укусы, и ему не вредил змеиный яд, который знахарь высасывал из ранок. Его уже никогда не кусали змеи, а он сам всегда мог призывать их к себе свистом.

«В селе Никольске Минского уезда Минской губернии жил пан, и у него служил молодой работник. Пан часто брал с собой работника в поездки. Работника удивляло, что всякий раз хозяин приказывал ему остановиться то лесу, то в поле, а сам что-то слушал. Стало парню очень интересно, что же это пан слушает.

Приедут они, бывало, домой, или выезжают из дома, так пану всё время подают поесть какую-то чёрную «поливку» (похлёбку). Один раз работник не выдержал и тайно от пана попробовал несколько ложек «поливки». Поехали снова в дорогу пан с работником. Теперь уже парень сам, без хозяйских указаний, лишь где что пискнуло или брызнуло, стоит и слушает. Удивило это пана. Спрашивает он:

- Почему ты останавливаешься, что ты знаешь?
- А вот хорошо послушать, как звери и птицы сами с собой разговаривают. Догадался пан, откуда у работника такие знания.
- Ни ели ли ты ужового мяса, которое мне всегда дают? – спрашивает он.
- Да, попробовал, – отвечает работник.
- Ну, поедem, посмотрим, что ты можешь.

Проехали они немного, как закуковала кукушка. Пан спрашивает:

- О чём она говорит?

Работник всё ему ответил. Закричала иволга. Снова работник отгадал, о чём она кричит. После этого случая пан перестал брать парня с собой в поездки». (10. №2—3. С.114)

Получение знаний от змеи

Змеи хоть и не имели благосклонности к человеку, но иногда помогали целителям, приносили им «живую траву», оживлявшую людей. Белорусы, проживавшие рядом с этническими поляками, верили, что змея даёт человеку знахарские знания, дунув ему в уста или приложив к его языку свой язык. В восточных и северных уездах для обретения дара от змеи втыкали берёзовую веточку одним концом себе в ухо, а другим концом в змеиное горло.

Знахарка Авдотья Маркина из села Даньково Смоленской губернии рассказала В. Н. Добровольскому, как она научилась «отхаживать от змей». «Поймала я змею и посадила за пазуху. И целый день с ней ходила, пока змея не сдохла. Так и знать стала. На умерщвление змеи нужно поспешно проговорить: „Ози озие ози“. Она от этих слов убивается. И сколь дивно; когда она услышит первое слово, вдруг ушами приклоняется к земле, и хвостом прикрывает верхнее ухо, дабы не слышать далее». (13. С. 282)

Прочие способы приобщения к знахарству

Как пан старуху шептать научил

«В некоем селе жила старуха, лет сто ей было. Жила она одна, как былинка в поле. Все её родственники и свояки давно умерли, а она осталась, как гнилое и старое дерево. Село то было совсем маленькое, домов десять, и хата старухи стояла в самом конце села. Была она такой же старенькой и кривой, как её хозяйка. Некий добрый человек сделал к хатке подпорки и обложил дёрном. Вот хатка и стояла, не зная, в какую сторону упасть. Старуха собирала щепочки и жгла их в печке, так и грелась перед пламенем. Ела она печёный картофель и кусочки хлеба в воде размачивала.

Кто знает, сколько бы она ещё так прожила, но ехал как-то возле её хаты местный пан и был очень удивлён, что она так долго живёт.

– Разве ты, бабка, ещё жива?

– Жива-жива, паночек-соколик. Не даёт Бог смерти.

– Как же ты живёшь?

– Какая моя жизнь, паночек дорогой! Чем так жить, лучше гнить. И заработать не могу, и воды подать некому.

– Почему ты, бабка, не шепчешь и не ворожишь?

– Не умею, мой паночек.

– Слушай, бабка, я тебя научу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.